

На правах рукописи

ГАМАН ЛИДИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

**РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. И СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЯ
В ОСВЕЩЕНИИ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ
ЭМИГРАНТСКОЙ МЫСЛИ**

Специальность: 07.00.09 – историография, источниковедение
и методы исторического исследования

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Томск – 2008

Работа выполнена на кафедре истории древнего мира, средних веков и методологии истории ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
Могильницкий Борис Георгиевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Иволина Ольга Ивановна

доктор исторических наук, профессор
Куперт Юрий Васильевич

доктор исторических наук, профессор,
Шиловский Михаил Викторович

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Омский государственный
университет» им. Ф.М. Достоевского

Защита диссертации состоится 14 ноября 2008 г. в 15.00 на заседании диссертационного совета Д 212.267.03 при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» (634050, г. Томск, пр. Ленина 36, ауд. 41).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО «Томский государственный университет» (г. Томск, пр. Ленина, 34 а).

Автореферат разослан « _____ » _____ 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор

О.А. Харусь

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Русская эмигрантская религиозно-философская мысль по праву считается одним из наиболее ярких феноменов отечественной культуры XX в. Устойчивый интерес к идейно-теоретическому наследию многих ее представителей мотивируется целым комплексом причин. Фундаментальное значение имеет их вклад в дело сохранения и дальнейшего развития российской культуры, что ими самими рассматривалось в качестве своей миссии. Отчасти именно этим объясняется не только их высокая творческая активность в эмиграции, но и стремление придать институциональные формы своей многосторонней научной и образовательной деятельности.

Поистине бесценный вклад внесли эмигрантские мыслители в познание современной им России. Стремление выявить истоки Русской революции, понять специфику происходящих в ней процессов с учетом исторической ретроспективы и в свете перспектив ее дальнейшего развития, понимание необходимости учитывать неуклонно возрастающее значение международных факторов в новых исторических условиях – все это нашло отражение в обширном творческом наследии эмигрантских авторов. Комплексность и глубина их анализа достигались за счет целенаправленного синтеза принципов, характерных для русской историко-философской традиции (ориентированность на идеал цельного знания, онтологичность, историософичность, антропоцентричность, чуткость к социальной проблематике), и достижений современной им европейской гуманитарной мысли.

Одним из значительных результатов такой практики явилась постановка ряда проблем, не потерявших своей актуальности до настоящего времени. Так, поистине ключевое положение в эмигрантской мысли заняла проблема модернизации¹, переосмысленная в свете магистральной для нее темы секуляризации европейской культуры. Своеобразие российского варианта модернизации, значение национального субстрата, в том числе устойчивых ментальных структур, в социальных трансформациях, соотношение микро- и макроисторических про-

¹ Термин «модернизация» представителями русской религиозно-философской мысли не использовался, но ими рассматривались явления, характеризующиеся этим термином.

цессов, причины и последствия асинхронности в развитии России и Европы, при одновременном признании когерентности мирового исторического процесса – эти и многие другие проблемы, и ныне будоражащие умы исследователей¹, были отчетливо сформулированы русской религиозно-философской мыслью в эмиграции. До настоящего времени эта часть идейно-теоретических взглядов ее видных представителей не получила комплексного изучения.

В плеяде выдающихся мыслителей русского зарубежья особое место занимают Николай Александрович Бердяев (1874–1948), Георгий Петрович Федотов (1886–1951) и Иван Александрович Ильин (1883–1954), являющиеся общепризнанными классиками русской религиозно-философской мысли. В их идейно-теоретической и общественной деятельности репрезентативно отразились основные общественно-политические настроения и ожидания «русского рассеяния». Являясь выразителями умонастроений различных эмигрантских кругов, они одновременно оказывали глубокое влияние на мировоззренческие установки и формирование поведенческих моделей соотечественников, подобно им оказавшихся за пределами России. Активное участие в научных и образовательных учреждениях, в издательских проектах, в религиозно-общественных движениях, в фондах помощи нуждающимся соотечественникам, в религиозно-философских движениях, обществах и кружках, в том числе межконфессионального характера, сделало имена этих мыслителей узнаваемыми не только в отечественных эмигрантских кругах, но и в среде культурной элиты Запада.

С учетом сказанного представляется оправданным рассматривать творческое наследие выдающихся русских религиозных мыслителей Бердяева, Федотова и Ильина как максимально репрезентативное, отражающее не только доминирующие настроения различных эмигрантских кругов, но и ведущие тенденции развития русской религиозно-философской мысли в XX в. в целом. Ин-

¹ См., напр.: *Репина Л.П.* Теоретические основания исторического знания после «постмодерна» // *Методологические и историографические вопросы исторической науки: Сб. статей / Отв. ред. Б.Г. Могильницкий, И.Ю. Николаева.* – Томск, 2007. – Вып. 28. – С. 37–52; *Николаева И.Ю.* Специфика российских процессов модернизации и менталитета в формате большого времени // Там же. – С. 53–72.

теллектуальное наследие этих авторов содержит богатый материал об особенностях российского исторического процесса, о структуре и специфических чертах коммуникативного пространства российской культуры, о своеобразии российского менталитета.

Значительная часть творчества эмигрантского периода Бердяева, Федотова и Ильина связана с осмыслением событий катастрофического XX в., прежде всего Русской революции и советского периода отечественной истории. Однако до настоящего времени она не получила в отечественной историографии всестороннего освещения. Между тем систематическое внимание этих мыслителей к природе революции и к процессам, протекавшим в СССР, многочисленные публикации и специальные исследования, посвященные конкретным проблемам советской истории, основательность методологических подходов в анализе ее негативных и позитивных сторон – все это в своей совокупности позволяет считать их тексты ценным историографическим источником, требующим комплексного изучения.

Это может способствовать не только расширению фактографической базы, но и становлению более взвешенных подходов к одному из наиболее сложных и мифологизированных периодов российской истории, исключение которого из целостной истории России как научно недопустимо, так и этически некорректно. Актуальность этой задачи косвенно подтверждается существующими и в зарубежной историографии поисками путей переосмысления советской истории, направленными на «объективность, поощрение неидеологизированного исследовательского подхода к истории России»¹.

В связи с проблемой Русской революции и советской истории следует сформулировать ключевую для Бердяева, Федотова и Ильина проблему преемственности и разрывов в отечественной истории. В русском зарубежье первой половины XX в. от того или иного ее решения напрямую зависели оценки происходивших в России событий и понимание перспектив дальнейшего ее разви-

¹ См.: *Олегина И.* Изучение истории России в Великобритании и США: новые тенденции и наследие советологии // Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М., 2003. – С. 423.

тия. Так, Бердяев и Федотов акцентировали внимание на моменте преемственности, рассматривая советскую историю как один из модусов существования России в рамках единого российского исторического процесса. Такая исследовательская установка позволила им прийти к ряду выводов общеметодологического характера, например о соотношении эволюции и революции в историческом развитии. Небезынтересно подчеркнуть их типологическую близость некоторым положениям концепции «множественности скоростей социального времени» Ф. Броделя¹. Убеждение в необходимости исследовать исторические события с учетом сложной диалектики «долгого» и «короткого времени», предполагавшее внимательное отношение к историческому контексту, позволяло исследователям избегать их упрощенных интерпретаций и оценок.

Ильин, также придававший проблеме преемственности и разрывов центральное значение, сосредоточил свое внимание, прежде всего, на ее втором компоненте, став выразителем крайнего неприятия советского периода отечественной истории. Анализ этих его представлений поучительно показывает, что доведенное до крайности акцентирование внимания на проблеме разрыва препятствует пониманию исторического процесса в его полном объеме и противоречивом единстве.

В идейном наследии Бердяева, Федотова и Ильина присутствует немало ценных общетеоретических положений о природе и направленности общемировых процессов, значение которых лишь усиливается в условиях все более глобализирующегося мира. Это особенно важно подчеркнуть в связи с единым для них убеждением о глубокой взаимозависимости макро- и микроисторических процессов, протекающих в мире. Будучи религиозными мыслителями, они связывали эти процессы с проблемой «преображения мира», что обусловило общую тональность религиозно-философского дискурса их размышлений.

Один из наиболее вдумчивых историков отечественной философии В.В. Зеньковский указывал на такую ключевую черту русского Православия, как «принципиальный космизм», т.е. «ощущение религиозной ценности мира и яр-

¹ Ср.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. – М., 1992. – Т. 3. Время мира. – С. 554.

кое переживание идеала «обожения» (теозиса), как пути к преобразению мира»¹. Эта особенность православного христианства, усвоенная классиками русской религиозной мысли, обрела дополнительные смыслы в их произведениях. Независимо от различий их идейных позиций, все они были убеждены в необходимости всесторонней христианизации мира, призванной преодолеть «внутреннюю разорванность современной культуры», что в эмиграции воспринималось в качестве специфически «русской темы»². С большой долей уверенности можно утверждать, что историко-философские концепции Русской революции и советской истории, разработанные религиозными мыслителями, коррелировались с тем или иным восприятием ключевой для всех них темы о целостном преобразении мира как основном вызове современной эпохи. И это несмотря на то, что их конкретные историко-теоретические положения порой радикально расходились. Если Бердяев и Федотов рассматривали, например, советскую историю как деформированный ответ на этот вызов, то Ильин полагал, что она является показателем уклонения современной цивилизации от искомого преобразования.

Различие историко-философских построений этих мыслителей обусловлено и их общественно-политическими предпочтениями, глубоко связанными с религиозно-философскими убеждениями. Так, Бердяев и Федотов тяготели к разным формам христианского социализма; их общественным идеалом являлось бесклассовое – «трудовое» – общество. Причем становление такого, по их логике, являлось необходимым в свете усиления интеграционных (глобализационных) процессов в мире. Ильин, окончательно определившись в эмиграции в качестве либерального консерватора по идейным убеждениям, выступал противником не только коммунистической идеологии, но и любых социалистических теорий, включая христианский социализм, как отрицавших, по его мнению, значение культурно-исторического традиционализма, частной собственности и неравенства для поступательного социального развития.

¹ *Зеньковский В.* По поводу книги И.А. Ильина «О сопротивлении злу силой» // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. – Т. 5 – М.:, 1996. – С. 427–428.

² Там же. – С. 428.

Научный интерес представляет методологическая насыщенность историко-философских концепций Бердяева, Федотова и Ильина, что особенно актуально в свете историографического кризиса, переживаемого исторической наукой, отмеченного поисками ее новой синтетической модели¹. Задолго до «антропологического» и «культурологического» поворотов, с которыми связывается настоящее и будущее исторической науки, русские эмигрантские авторы разрабатывали методы познания социальной реальности, базировавшиеся на идее «антропоцентричности» истории. Общим для всех них являлось стремление к столь актуальному в настоящее время выявлению «человеческого содержания исторического процесса»². В постсоветский период в отечественной историографии необходимость систематического внимания к этой проблеме в числе первых была отчетливо артикулирована представителями томской историографической школы, возглавляемой проф. Б.Г. Могильницким³.

Высокую ценность теоретико-методологическим построениям Бердяева, Федотова и Ильина придает их междисциплинарный характер, позволявший учитывать сложную семантику исторических процессов и феноменов. Полидисциплинарные технологии, создававшиеся ими на стыке философии, богословия, истории, социологии, филологии, а в случае с Ильиным и правоведения, плодотворно применявшиеся ими на практике, представляют интерес для современного исследователя. Сегодня компетентное использование междисциплинарных подходов рассматривается как один из наиболее оптимальных вариантов преодоления кризиса исторической науки⁴.

Историография. Эмигрантская русская религиозно-философская мысль XX в. не перестает привлекать внимание исследователей. Обилие исследова-

¹ См., напр.: *Историческая наука и историческое сознание* / Б.Г. Могильницкий, И.Ю. Николаева, С.Г. Ким, В.М. Мучник, Н.В. Карначук. – Томск, 2000. – С. 34–67; *Ретина Л.П.* Историческая память и современная историография // *Новая и новейшая история*. – 2004. – № 5. – С. 39–47.

² *Гуревич А.Я.* Пророчество о прошлом // *Одиссей. Человек в истории*. – М., 2004. – С. 399–415

³ См., напр.: *К новому пониманию человека в истории: очерки развития современной западной исторической мысли* / Под ред. Б.Г. Могильницкого. – Томск, 1994. – С. 5–52.

⁴ См., напр.: *Полидисциплинарные технологии исследования модернизационных процессов* / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. – Томск, 2005; *Согрин В.В.* 1985–2005 гг.: перипетии историографического плюрализма // *Общественные науки и современность*. – 2005. – № 1. – С. 20–34.

тельских работ тем не менее не дает оснований считать концепции Русской революции и советской истории Бердяева, Федотова и Ильина всесторонне изученными. Отчасти это связано с тем, что длительное время творческое наследие эмигрантских авторов было мало знакомо широкой научной общественности России. В советский период специалисты, обращавшиеся к нему, работали в рамках парадигмы, для которой религиозная метафизика выступала «аномалией науки», в терминологии Т. Куна¹. Чуждость парадигм, усиленная идеологическим диктатом, препятствовала, за редким исключением, объективному анализу этого пласта отечественной культуры. Подлинный научный интерес к эмигрантской религиозно-философской мысли в России пробудился на рубеже 1980–1990 гг., первым показателем чего стало массовое издание произведений ее видных представителей. Период «ознакомления» с национальными мыслителями предшествовал объективному изучению их творческого наследия. В этой связи особо подчеркнем значение зарубежных исследований русской эмигрантской религиозно-философской мысли.

Ценная информация по интересующей нас проблеме содержится в ряде обобщающих по своему характеру работ известных историков русской философии В.В. Зеньковского², Н.О. Лосского³, С.А. Левицкого⁴. В кратких, но содержательных очерках ими были проанализированы идейная эволюция и мировоззренческие особенности Бердяева и Ильина. Сосредоточив внимание на общетеоретических построениях религиозных мыслителей, эти исследователи, за исключением Левицкого, лишь фрагментарно коснулись их восприятия революции как фактора, повлиявшего на траекторию их жизни и деятельности. Большой интерес представляет обобщающий по своему характеру тематический сборник статей, посвященный исследованию русской религиозно-философской мысли XX в., на страницах которого русские эмигрантские авторы и иностранные специалисты проанализировали особенности русской само-

¹ Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. – М., 2003. – С. 97.

² Зеньковский В.В. История русской философии. – Л., 1991. – Т. II. Ч. 2. – С. 54–81, 129–133; Он же. Русские мыслители и Европа. – Париж, 1955. – С. 262–271.

³ Лосский Н.О. История русской философии. – М., 1991. – С. 298–319, 493–495.

⁴ Левицкий С.А. Очерки по истории русской философии: В 2 т. – Т. 1. – М., 1996. – С. 241–270; 353–376.

бытной философии и затронули проблему влияния ее представителей на европейскую культуру¹. Отдельно отметим значение сборника статей, посвященного анализу представлений Бердяева, Федотова и Ильина о революции в России и советской истории, в котором приняли участие Н. Полторацкий, Ю. Иваск, А. Штаммлер и др.² Через все работы проходит идея о необходимости вдумчивого анализа оценок революции религиозными мыслителями.

Активную деятельность по изучению идейно-теоретического наследия конкретных представителей русской эмигрантской религиозно-философской мысли развернул американский исследователь Н. Полторацкий. В ряде своих работ он проанализировал особенности мировоззрения Н.А. Бердяева и основные положения его историсофской концепции русской истории. Однако, будучи непримиримым противником большевизма и советской власти, Н. Полторацкий не сумел объективно ее оценить, подчеркивая «просоветскую» ориентацию автора. В результате он пришел к выводу о «тенденциозности» Бердяева в подборе фактического материала для своей концепции и об антиисторическом характере его историсофских построений позднего периода³.

Особенно много усилий Н. Полторацкий приложил к изучению идейно-теоретического наследия Ильина⁴. Его настоящей научной находкой стала малоизвестная и до настоящего времени «Тетрадь № 5», в которой самим Ильиным были собраны его записки о Русской революции. Однако комментарии Н. Полторацкого к этим архивным материалам носят преимущественно описательный характер⁵. В целом его многочисленные работы, посвященные творчеству Ильина, несмотря на их информационную насыщенность, отличаются недостаточным уровнем критичности по отношению ко многим его постулатам.

¹ *Русская религиозно-философская мысль XX века: Сб. статей / Под ред. Н.П. Полторацкого.* – Питсбург, 1975. – 413 с.

² *Россия и революция. Русская религиозная философия и национально-политическая мысль XX века: Сб. статей.* – Tenefly, 1988. – 352 с.

³ *Полторацкий Н.* Бердяев и Россия (философия истории России Н.А. Бердяева). – Нью-Йорк, 1967. – С. 189–192, 204.

⁴ См., особенно: *Полторацкий Н.* Иван Александрович Ильин: Жизнь, труды, мировоззрение: Сб. статей. – Tenaflly, 1989. – 320 с.

⁵ *Ильин И.А.* Записки И.А. Ильина о русской революции и большевизме // Русское возрождение: Независимый русский православный журнал. – Нью-Йорк; Москва; Париж, 1983 (III), № 23. – С. 119–126.

Особенности мировоззренческой эволюции Федотова и некоторые аспекты его творчества затрагиваются в работах П.М. Бицили, М.В. Вишняка¹, М.М. Карповича², Ф.А. Степуна³. Вишняк обратил внимание на нередкую непоследовательность Федотова, с которой были связаны многие противоречия его историко-философской концепции. Касаясь его представлений о Русской революции и советской истории, он справедливо подчеркивал их неоднозначность в разные периоды его творчества. Специальному анализу концепции революции Федотова посвятили свои исследования А. Кизеветтер⁴ и С.И. Штейн⁵. Современники единодушно подчеркивали его большой талант как историка и публициста, а также его склонность к смелым историческим аналогиям, что сказалось и на его концепции Русской революции и советской истории.

В зарубежной нерусскоязычной историографии приоритетное внимание уделялось и продолжает уделяться идейно-теоретическому наследию Бердяева⁶. Определенный научный интерес у зарубежных исследователей вызывает также творчество Федотова. Так, в 1990 г. вышла в свет работа французского исследователя Д. Бона (D. Beaune) «G.P. Fedotov se qui demeure... (reflexions sur la revolution russe)». Наименее изученным в нерусскоязычной историографии является творчество Ильина.

В отечественной историографии научное осмысление наследия религиозных мыслителей хронологически приходится на рубеж 1980–1990 гг. Первоначально преимущественный интерес исследователей вызывало творческое

¹ Вишняк М.В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. – СПб., Дюссельдорф, 1993. – С. 173–182.

² Карпович М.М. Г.П. Федотов // Новый журнал. – 1951. – Кн. XXVII. – С. 266–272.

³ Степун Ф.А. Г.П. Федотов // Степун Ф.А. Портреты. – СПб., 1999. – С. 299–319; Иваск Ю. Г.П. Федотов // Русская религиозно-философская мысль XX века: Сб. статей / Под ред. Н.П. Полторацкого. – Питсбург, 1975. – С. 346–355.

⁴ Кизеветтер А. Из размышлений о революции // Современные записки. – 1930. – № 42. – С. 345–363.

⁵ Штейн С.И. Размышления о России и революции // Новый град. – 1932. – № 4. – С. 87–91.

⁶ См., напр.: Аржаковский А. Между историей и памятью: Николай Бердяев, русский мыслитель во Франции // Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940 гг. – М., 1994. – Кн. 1-ая; Copleston F.C. Philosophy in Russia: from Herzen to Lenin, A. Berdyaev. – Junbridge wells: search press, 1986; Slaatte Howard A. Time, Existence and Destiny. Nicolas Berdyaev's Philosophy of Time. – New York; Paris, 1988. – 202 с.; Саркисянц М. Россия и мессианизм. К «русской идее» Н.А. Бердяева / Пер. с нем. – СПб., 2005. – 272 с.

наследие Бердяева, анализу отдельных аспектов которого посвятили свои работы Е.В. Барабанов, Р.А. Гальцева, Б.Л. Губман, А.А. Ермичев, Г.И. Ефимов, Ю.П. Ивонин, А. Мень, М.Б. Семочкина, С.С. Неретина, И.Б. Роднянская, С.Б. Роцинский, В.В. Сербиненко. Творчеству Федотова в этот период уделили внимание В.Ф. Бойков и А. Мень. Начало изучению творческого наследия Ильина в постсоветской России было положено Ю.Т. Лисицей.

С середины 1990-х гг. начинают выходить в свет фундаментальные исследования – статьи, диссертации, монографии либо специальные разделы в монографиях, посвященные творчеству Бердяева, Федотова и Ильина. Различные аспекты историко-философских построений и особенности мировоззрения первого из них проанализировали В. Аксючиц, О.Д. Волкогорова, Л.А. Гаман, Н.К. Дмитриева, М.А. Колеров, А.Н. Кунгуров, О.Б. Леонтьева, Б.Г. Могильницкий, А.П. Моисеева, Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская, И.П. Смирнов, К.Н. Ширко, и др. В оценках бердяевских интерпретаций конкретных сюжетов истории авторы нередко придерживаются полярных взглядов. Так, В. Аксючиц, характеризуя размышления Бердяева о Русской революции позднего периода творчества, определяет их как «заблуждения гения»¹. Значительно более взвешенная их оценка содержится в работах Б.Г. Могильницкого². Последние годы отмечены повышенным интересом к творческому наследию Федотова. Изучению его историко-теоретических и культурологических представлений посвятили свои исследования Н.Зайцева, А.Ф. Киселев, Ю.В. Селиванова, Э.А. Шаряпова, О.Г. Юмашева и др. Неуклонно возрастает интерес и к творчеству Ильина, анализ различных аспектов которого предпринимается в работах В.В. Аверьянова, И.И. Евлампиева, А.Ф. Киселева, А.Г. Лаврова, А.В. Мальцевой, Т.Б. Сазоновой, Б.Ю. Тарасова, Я.В. Шабанова и др. Особенным вниманием современных авторов пользуется корпус правовых и консервативно-монархических идей этого мыслителя.

¹ Аксючиц В. Заблуждения гения: Н.А. Бердяев о России и коммунизме // Историко-философский ежегодник. – 2001. – М., 2003. – С. 324–340.

² Могильницкий Б.Г. Бердяев о Русской революции // Новая и новейшая история. – 1995. – № 6. – С. 54–67; Он же. История исторической мысли XX века: Курс лекций. – Вып. 1: Кризис историзма. – Томск, 2001. – С. 92–109.

В постсоветский период в отечественной историографии появляются исследования обобщающего характера, так или иначе связанные с русской эмигрантской религиозно-философской мыслью. Здесь следует отметить работы О.И. Ивониной, которая рассматривает общетеоретические представления Бердяева и Федотова и их концепции отечественной истории в контексте историко-религиозной проблемы направленности истории¹. Политологические аспекты концепций Бердяева и Ильина в их сравнении рассматриваются К.Г. Мальцевым и А.В. Мальцевой². Избранный соавторами ракурс исследования обусловил направленность анализа их творчества как политических мыслителей. Н.П. Шевцова сосредоточила внимание на сравнении концепций культуры Бердяева и Федотова³. Сравнительный анализ представлений о революции избранных для исследования авторов предпринят Н.А. Омельченко, основным выводом которого является признание их фундированности и связанной с этим их научной ценности⁴. Менее удачной является аналогичная попытка А.В. Прохоренко, высказавшего немало интересных суждений относительно общественно-политических взглядов Бердяева, Федотова и Ильина эмигрантского периода, при этом, однако, не сумевшего избежать упрощений, а порой и тенденциозности в своих выводах⁵.

Отличительной особенностью отмеченных работ является то, что проблема собственно советской истории в освещении Бердяева, Федотова и Ильина затрагивается в них лишь в самом общем виде либо не затрагивается вовсе. Проблема комплексного анализа Русской революции и советской истории в их интерпретации современными авторами, за редким исключением⁶, не определя-

¹ См., напр.: *Иволина О.И.* Время свободы. Проблема направленности истории в христианской исторической мысли России XIX–середины XX вв. – Новосибирск, 2000. – 442 с.

² *Мальцев К.Г., Мальцева А.В.* «Философия свободы» и соблазн христианского государства / Н.А. Бердяев и И.А. Ильин. – М., 2001. – 336 с.

³ *Шевцова Н.П.* Культура как система ценностей (Аксиология в контексте интерпретации культуры Н.А. Бердяева и И.А. Ильина). – М., 2004. – 160 с.

⁴ *Омельченко Н.А.* В поисках России: общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности (историко-политический анализ). – СПб., 1996. – 560 с.

⁵ См., напр.: *Прохоренко А.В.* Философское россиеведение в идейной полемике пореволюционной эмиграции (первая половина XX века). – СПб., 2005. – 294 с.

⁶ См., напр.: *Киселев А.Ф.* Страна грез Георгия Федотова (размышления о России и революции). – М., 2004. – 324 с; *Зайцева Н.* Логика любви: Россия в историософской концепции Георгия Федотова. – Самара, 2001. – 244 с.

ется в качестве предмета исследования.

В завершении историографического обзора подчеркнем, что исследователями достигнуты значительные результаты в изучении творческого наследия Бердяева, Федотова и Ильина. Однако до настоящего времени не существует целостного системного исследования историко-методологических взглядов этих мыслителей в их органическом единстве с их концепциями Русской революции и советской истории. В свете сказанного представляется актуальным системный анализ концепций Русской революции и советской истории Н.А. Бердяева, Г.П. Федотова и И.А. Ильина, отличающихся фактографической и методологической насыщенностью.

Объектом исследования является творческое наследие этих выдающихся русских религиозных мыслителей. **Предметом** исследования являются концепции Русской революции и советской истории указанных авторов, объективная реконструкция которых возможна лишь с учетом особенностей их общетеоретических представлений и исследовательских стратегий.

В соответствии с этим **целью диссертации** является системный анализ концепций Русской революции и советской истории Бердяева, Федотова и Ильина в связи с их общетеоретическими представлениями с учетом того социокультурного контекста, в котором им довелось жить и творить. Раскрытие темы предполагает решение ряда конкретных задач:

- 1) исследовать основные положения и методологические основания историко-философских концепций Бердяева, Федотова и Ильина;
- 2) проанализировать их представления об особенностях российского исторического процесса и специфике «цивилизационного ядра» (термин Е.Б. Рашковского и В.Г. Хороса¹) отечественной культуры, обусловившего специфические черты российского коммуникативного пространства, сыгравших роль в процессах социокультурной модернизации России в XX в.;
- 3) показать значение особенностей религиозного сознания каждого из них как фактора, напрямую влиявшего на формирование религиозно-философского дискурса их концепций;

¹ Рашковский Е.Б., Хорос В.Г. Мировые цивилизации и современность // Восток – Запад – Россия: Сб. статей. – М., 2002. – С. 47.

- 4) выявить особенности общественно-политических позиций мыслителей, генетически связанных с их историко-религиозными представлениями, как отражающих настроения различных идейных течений русского зарубежья 1920–1950-х гг., что предполагает, в свою очередь, освещение в общих чертах того культурно-исторического контекста, в рамках которого осуществлялась их деятельность;
- 5) изучить концепции Русской революции этих авторов, во многих своих чертах корреспондирующих с современными теориями модернизации, показать их семантическую сложность, игнорирование которой препятствует адекватной интерпретации их версий советской истории;
- 6) проанализировать эволюцию концепций советской истории Бердяева, Федотова и Ильина;
- 7) на примере анализа этих концепций показать неоднозначность восприятия Советской России различными эмигрантскими кругами в свете проблемы преемственности и разрывов отечественной истории.

Комплексное решение этих задач должно способствовать углубленному изучению историко-философских концепций Русской революции и советской истории, созданных русской религиозно-философской мыслью зарубежья, до настоящего времени не получавших своего системного анализа. Реконструкция этих содержательных теорий должна, кроме того, способствовать формированию более объемных представлений о структурной сложности советского периода отечественной истории, в котором столь сложно переплелись позитивные и негативные тенденции не только российского, но и общемирового развития.

Хронологические рамки работы определяются целью и задачами исследования и охватывают период с 1922 по 1950-е гг.

Источниковую базу исследования составил обширный корпус опубликованных произведений Бердяева, Федотова, Ильина, а также ряда других выдающихся представителей религиозно-исторической мысли, таких как Ф.А. Степун, В.В. Зеньковский, С.Л. Франк, П.Б. Струве, А. Кизеветтер, Л.П. Карсавин.

С целью более рельефного освещения избранных для исследования авторов главным образом привлекаются работы, относящиеся к эмигрантскому периоду творчества, как наиболее полно отражающие их представления о Русской

революции и советской истории. Это целый комплекс фундаментальных произведений Бердяева («Судьба человека в современном мире», «Истоки и смысл русского коммунизма», «Русская идея», «Опыт эсхатологической метафизики», «Самопознание», «Царство Духа и царство Кесаря»), Федотова («Русская религиозность»), Ильина («О сопротивлении злу силою», «Основы христианской культуры», «Большевистская политика мирового господства. Планы III Интернационала по революционизированию мира», «Путь духовного обновления», «Сущность и своеобразие русской культуры. Три размышления», «О сущности правосознания», «О монархии и республике»). Обращение к этим и другим работам религиозных мыслителей позволяет выявить особенности их концепций Русской революции и советской истории с учетом их историко-методологических представлений и специфики исследовательских практик. Содержащийся в них материал способствует также отражению особенностей их идейной эволюции. Структурная сложность этой последней сделала необходимым обращение и к ряду доэмигрантских произведений авторов, особенно Бердяева и Ильина¹.

Важную категорию источников составляет публицистика Бердяева, Федотова и Ильина: нередко концептуальные по своему значению общественно-политические и историко-философские идеи они излагали на страницах эмигрантских изданий «Путь», «Новый град», «Русский колокол», «Современные записки», «Новый журнал», «Возрождение», «Новая Россия», «Дни», «Вестник Русского христианского движения». Многие их статьи, опубликованные в этих и других изданиях, в России не переиздавались и являются в настоящее время библиографической редкостью². В состав источников также включены опубликованные в постсоветский период публицистические работы этих авторов. Особый интерес представляют статьи 1946–1947 гг. Бердяева, объединенные в

¹ См. особенно: *Бердяев Н.А.* Духовные основы русской революции. Опыты 1917–1918. – СПб., 1998. – 432 с.; *Ильин И.А.* Собр. соч.: В 10 т. – Т. 9–10. – С. 41–201.

² См., напр.: *Бердяев Н.А.* Россия Ксеркса и Россия Христа // *Новая Россия.* – 1939. – № 74/75; *Он же.* Третий исход // *Новый журнал.* – Нью-Йорк, 1953; *Федотов Г.П.* Октябрьская легенда // *Новая Россия.* – 1937. – № 35. – С. 3–5; *Он же.* Торопитесь! // *Новая Россия.* – 1939. – № 59; *Ильин И.А.* О признании советской власти (правила и советы) // *Русский колокол.* – 1927. – № 2; *Он же.* Эволюционируют ли коммунисты // *Русский колокол.* – 1929. – № 7.

сборник «На пороге новой эпохи»¹, статьи Федотова, включенные в сборники «Судьба и грехи России»², «Статьи 1920–30-х гг. из журналов “Путь”, “Православная мысль” и “Вестник РХСД”»³, «Статьи американского периода»⁴. Большое значение имеют публицистические работы разных лет Ильина, опубликованные в многотомном собрании его сочинений⁵. Привлечение этого корпуса источников способствует углубленному изучению представлений авторов о Русской революции и советской истории в их развитии с учетом того историко-культурного контекста, в котором им довелось жить и творить. Количество и фундаментальность опубликованных ими статей выступает и ярким показателем того значения, которое ими придавалось проблеме социальной циркуляции идей.

Важные сведения по интересующей нас проблеме содержатся в архивных материалах, как опубликованных⁶, так и неопубликованных, хранящихся в фондах Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Отделах рукописей и редких книг Российской государственной библиотеки и научной библиотеки Московского государственного университета⁷. Эти материалы позволяют выявлять новые, порой неожиданные, аспекты историко-религиозных концепций авторов. Способствуют они и более объективному восприятию сложной палитры умонастроений, характерных для представителей русского зарубежья пореволюционного периода.

Для углубленного понимания творчества Бердяева, Федотова и Ильина большое значение имеет корпус эго-документов, включающий их эпистолярное

¹ Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи: Сб. статей // Бердяев Н.А. Истина и Откровение. Прологомены к критике Откровения. – СПб., 1997. – С. 156–326.

² Федотов Г.П. Судьба и грехи России: Избр. статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т. – СПб., 1991. – Т. 1 – 352 с.; Т. 2. – 352 с.

³ Федотов Г.П. Собр. соч.: В 12 т. – Т. 2: Статьи 1920–30-х гг. из журналов «Путь», «Православная мысль» и «Вестник РХСД». – М., 1998. – 383 с.

⁴ Федотов Г.П. Собр. соч.: В 12 т. – Т. 9: Статьи американского периода. – М., 2004. – 383 с.

⁵ См. особенно: Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. – Т. 7. – М., 1998. – 608 с.

⁶ См., напр.: Ильин И.А. О революции // Русское возрождение: Независимый русский православный журнал. – Нью-Йорк, Москва, Париж, 1983 (III). – № 23. – С. 45–118; Братство Святой Софии: Матер. и док. 1923–1939 / Сост. Н.А. Струве. – М., 2000. – 336 с.

⁷ См. особенно: Бердяев Н.А. Трансформация марксизма в России // РГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 263; Он же. Советская Россия и мировая война // РГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 219; Он же. Смысл исторического момента, переживаемого в настоящее время Россией. Схема [доклада] // РГАЛИ. Ф. 1496. Оп.1. Ед. хр. 97; Он же. Двойственный образ России (К пониманию русской человечности). Статья 1930–1940-е гг. // РГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 240.

наследие¹, дневниковые записи их самих и близких им людей, а также мемуары современников². Эти источники, содержащие в себе богатую информацию, в том числе личностного характера, существенно обогащают наши представления как о повседневной жизни российской эмиграции, так и об идейных и научных взглядах ее выдающихся представителей.

Методологическую основу данного исследования составляет принцип историзма, позволяющий анализировать обозначенные проблемы в их динамике с учетом того социокультурного контекста, в котором довелось жить и творить Бердяеву, Федотову и Ильину. Этому также способствует проблемно-хронологический метод, позволяющий изучать ключевые проблемы в их хронологической последовательности. Комплексному изучению концепций Русской революции и советской истории этих авторов в связи с их общетеоретическими и мировоззренческими позициями призван способствовать принцип системности, использование которого, кроме того, позволяет учитывать значение общей интеллектуально-духовной атмосферы в Европе, включая Россию, в 1920–1950-х гг. Важным для данного исследования является также сравнительно-исторический метод. Он позволяет не только сопоставлять историко-философские концепции изучаемых авторов, но и широко опираться на достижения исследователей, обращавшихся к их творчеству. Особенно важно подчеркнуть значение этого метода для анализа сравнительно-исторических исследований самих авторов, о которых идет речь.

Поскольку диссертация посвящена изучению творческого наследия ряда выдающихся русских религиозных мыслителей, необходимым элементом методологии явился биографический подход, позволяющий учесть значение лич-

¹ См., напр.: *Письма* В.Н. Ильина Бердяеву Н.А. (26 августа 1930 – 3 августа 1944; 25 писем) // РГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 491; «*В четвертом измерении пространства...*» Письма Н.А. Бердяева кн. И.П. Романовой 1931–1947 / Публ., предисл. и ком. В. Аллоя и А. Добкина // *Минувшее*. – 1994. – № 16. – С. 209–264; *Письма* вокруг разногласий Г.П. Федотова с Богословским институтом // *Вестник русского христианского движения*. – 2002. – № 184. – С. 186–222; *Письмо* С.Л. Франка Г.П. Федотову // *Новый журнал*. – Нью-Йорк, 1952. – Кн. 28. – С. 288–289; *Письма* Ф.А. Степуна Е.Ю. Рапп // РГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 982.

² *Бердяев Н.А.*: pro et contra. Антология. – СПб., 1994. – 573 с., *Ильин И.А.*: pro et contra. – СПб., 2004. – 896 с.; *Федотова Е.* Георгий Петрович Федотов // *Федотов Г.П. Полн. собр. статей*: В 6 т. – Т.1: Статьи 1918–1930 гг. – Париж, 1988. – С. I–XXXIV.

ностного начала в исследовании истории идей¹. Детализацией этого подхода явился «жизнетворческий» принцип, разработанный С.С. Хоружим, актуальность которого заостряется с учетом значения для всех русских мыслителей установки на идеал «цельного знания». Исследователем была предложена его дефиниция, согласно которой «...жизнетворчество есть способ жизни, который стремится вникнуть во всю полноту жизненного материала и делает эту полноту предметом духовной работы»². При этом обнаруживается, подчеркивает автор, что «связь между особенностями философии и чертами творческой личности... отнюдь не является причинно-следственной, но обоюдной»³. Таким образом выявляется особенное внутреннее единство мысли и жизни, творчества и личности. Использование принципа «жизнетворчества» позволяет более объемно осветить особенности творчества Бердяева, Федотова и Ильина в эмиграции.

Научная новизна диссертации:

1. В диссертации впервые в отечественной историографии предпринимается сравнительно-историческое исследование историко-религиозных представлений Бердяева, Федотова и Ильина. Их изучение в контексте феномена «плеядности» (термин Ф.А. Степуна) (общая принадлежность к традиции русской религиозно-философской мысли, сходство исследовательских технологий, сосредоточенность на решении магистрального для эмигрантской религиозно-философской мысли вопроса исторических судеб России в свете проблемы направленности мирового исторического процесса с учетом свершившейся в стране революции) способствует углубленному анализу созданных ими концепций Русской революции и советской истории.

2. Проблема, составляющая предмет диссертации, не получала до настоящего времени всестороннего освещения: если представления этих религиозных мыслителей о Русской революции так или иначе затрагиваются исследователями их творчества, то тема собственно советской истории в их интерпрета-

¹ См., напр.: *Ретина Л.П.* «Персональная история»: биография как средство исторического познания // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. – М., 1999. – Вып. 2. – С. 76–100.

² *Хоружий С.С.* После перерыва. Пути русской философии. – СПб., 1994. – С. 101.

³ Там же. – С. 106.

ции и сегодня остается малоизученной. Новым является также анализ этих их концепций в свете проблемы преемственности и разрывов отечественной истории.

3. Впервые в научной литературе в диссертации осуществлено систематическое исследование всего корпуса представлений классиков религиозной эмигрантской мысли о Русской революции и советской истории с учетом своеобразия их подходов. Это позволило выявить новые аспекты ряда исследованных ими проблем или взглянуть на них под новым углом зрения. В творчестве Бердяева это, например, пласт его представлений конца 1930–1940-х гг., связанных с темой специфики Советской России в ее позитивных и негативных проявлениях, ее места и роли в системе международных отношений. В творчестве Федотова это, в частности, комплекс его идей о природе «сталинокрапии» и факторах, обусловивших устойчивость советского государства. В творчестве Ильина это детальный анализ негативных сторон советской реальности в свете его правовых взглядов.

4. В диссертации впервые предпринимается комплексный анализ теоретико-методологических представлений Бердяева, Федотова и Ильина, выявляется специфика их междисциплинарных исследовательских практик, анализируются их теоретические положения, во многих аспектах корреспондирующие с современными социально-историческими теориями, прежде всего теориями модернизации и ментальностей. Впервые в отечественной историографии не только прослеживается генетическая связь их общетеоретических представлений с достижениями европейской гуманитарной мысли XIX–XX вв., но и выявляется ряд новаторских для своего времени их методологических положений, например, о соотношении революционных и эволюционных процессов в обществе, об асинхронности исторического развития, как в общемировом масштабе, так и в рамках отдельно взятых культурных систем, о двунаправленном характере коммуникации России и Европы.

5. В диссертации впервые в научной литературе осуществляется комплексное исследование концепций Русской революции и советской истории Бердяева, Федотова и Ильина в тесной связи с их религиозно-философскими

взглядами. В работе подчеркиваются преимущества такого подхода, не только снижающего вероятность поверхностного истолкования их отдельных представлений, связанных с социально-исторической проблематикой, но и открывающего перспективные возможности использования в конкретно-исторических исследованиях Русской революции и советской истории целого ряда положений, свойственных христианской парадигме истории. В таком ракурсе рассмотрена проблема роли и значения религиозно-этической системы народа в историческом развитии.

6. В диссертации осуществлен системный анализ обозначенных концепций Бердяева, Федотова и Ильина с учетом их мировоззренческой эволюции, что необходимо принимать во внимание ввиду неоднозначности их восприятия Русской революции и советской истории в разные периоды творчества.

7. В научный оборот вводятся новые и малоизвестные ранее источники, обращение к которым способствует высвечиванию новых граней концепций Русской революции и советской истории эмигрантских религиозных мыслителей.

Практическая значимость работы. Методологические подходы, основные положения и выводы диссертации могут использоваться в исследованиях по истории исторической мысли, истории русской эмиграции, Русской революции и советской истории, духовно-религиозной жизни. Они могут использоваться также в коллективных исследованиях по историографии и методологии истории. Представленный в диссертации материал может быть использован в учебно-образовательном процессе при подготовке лекционных курсов и учебно-методических пособий по методологии истории, отечественной истории, культурологи, русской философии истории.

Апробация результатов исследования. Основные выводы и результаты диссертации апробированы на заседании кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории исторического факультета Томского государственного университета, в докладах на 4 всероссийских, 3 международных и 3 отраслевых конференциях. По теме диссертации опубликовано 25 исследовательских работ. Ключевые идеи диссертации нашли отражение в двух науч-

ных монографиях, статьях (в том числе 7 статьях, опубликованных в ведущих российских рецензируемых научных журналах), докладах и тезисах.

Структура диссертации обусловлена его целью и задачами. Диссертация состоит из введения, 3 частей, каждая из которых включает в себя по 3 главы, состоящих, в свою очередь из разделов, а также заключения и списка использованной литературы и источников.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во Введении предпринимается обоснование темы, ее актуальности, научной новизны, определяется объект и предмет исследования, его хронологические рамки, формулируются главная цель и основные задачи исследования, анализируется степень изученности темы, осуществляется историографический анализ и обзор корпуса источников, обосновывается методология исследования.

Первая часть ««На пороге новой эпохи»: Н.А. Бердяев о Русской революции и советской истории» посвящена комплексному исследованию представлений Бердяева о Русской революции и советской истории в связи с его историко-религиозными представлениями.

В главе 1 «Историософия российской истории» предпринимается всесторонний анализ корпуса историко-теоретических представлений мыслителя, опираясь на который он осуществлял свое исследование российской истории, включая советский ее период. В разделе 1.1 «Историко-религиозные представления Н.А. Бердяева» анализируется методология ученого, полидисциплинарная по своей природе, основу которой составил историософский метод познания истории. Задачей историософского исследования отечественной истории в понимании Бердяева являлось постижение смысла исторического существования России в динамике, «в свете большой исторической перспективы»¹. Поставленная таким образом задача решалась им в общих чертах в рамках христианской парадигмы истории, что способствовало углубленному изучению российского исторического процесса во всей его сложности и проблематичности.

¹ *Бердяев Н.А.* На пороге новой эпохи. Предисловие // Бердяев Н.А. Истина и Откровение. Прологомены к критике Откровения. – СПб., 1997. – С. 159.

Особую объемность его пониманию природы истории придавало свойственное Бердяеву представление об «онтологическом дуализме», связанное с его учением о двойственной природе свободы. Фундаментальными концептами его историософского метода являются «судьба человека», «судьба народа», «смысл истории», наполнявшиеся реальным содержанием в контексте ценностей христианского вероучения, придававшие онтологическое измерение его представлениям об исторической преемственности. В связи с ними особую глубину обретают и его размышления об антропологической природе истории. Ключевым понятием в эмигрантский период творчества для Бердяева становится понятие «объективация», использовавшееся им в качестве гносеологического принципа и критерия оценок социально-исторических феноменов и процессов. Своеобразие его историко-теоретических представлений этого времени едва ли можно понять без учета степени его приверженности религиозному персонализму.

В разделе 1.2 «Н.А. Бердяев об особенностях российской истории» рассматриваются представления ученого о российской истории, без учета которых понимание его концепции Русской революции и советской истории было бы неполным. Бердяев предложил свою периодизацию российской истории, в главных своих чертах соответствующую канонам традиционной историографии. Внутреннее единство отдельных периодов российской истории, полагал он, исторически детерминировалось православным христианством, оказавшим решающее воздействие на формирование религиозной природы русского народа.

Отобранный Бердяевым исторический материал соответствовал основной линии его историко-философской концепции: более всего мыслителя интересовала история национального самосознания, имевшего двухуровневую структуру, выступавшего в его интерпретации как содержательно близкое историческому сознанию в современном его понимании. Один из уровней отражал идею исторической преемственности народа и выполнял кумулятивную функцию. Другой уровень был представлен идеей долженствования, исторического задания народа, призванного стимулировать его «сознательную национальную ак-

тивность» в мировом масштабе. Он наполнялся особым смыслом в русле общих представлений мыслителя об объективном религиозном задании истории – мировом синтезе.

В свете изложенного особенное значение приобретает «русская идея» Бердяева, ориентированная на определение исторического образа России, её места в пределах мировой культуры, конструирование которой осуществлялось им в свете центральной для русской историко-религиозной мысли темы «Восток – Запад». Религиозная идея Бердяева может трактоваться одновременно как идея о «целостном преображении мира», свойственная русскому народу, и как комплексная характеристика его устойчивых свойств – «эсхатологического комплекса»¹. Этот комплекс объединил в себе ряд компонентов (православная религиозность, эсхатологичность, соборность, мессианизм), составивших суть православного духовного типа, определившего, в свою очередь, религиозно-духовную доминанту российской культуры.

С бердяевской интерпретацией русской идеи связаны его представления о дуалистической структуре российской истории и поляризованном характере русского народа. Заслугой Бердяева является предпринятая им попытка отразить сложность тезауруса российской культуры через выявление ключевых ее антиномий, в своем диалектическом взаимодействии обусловивших ее своеобразный характер. Размышления мыслителя о российском историческом процессе целенаправленно осуществлялись в «эсхатологической перспективе», что наложило отпечаток на его представления о Русской революции и советском периоде отечественной истории.

В главе 2 «Н.А. Бердяев – историософ Русской революции» рассматриваются представления мыслителя о природе революции в России, ее предпосылках и последствиях. В разделе 2.1 «Эволюция представлений Н.А. Бердяева о революции 1917 года» отражается неоднозначность его восприятия этого события в отдельные периоды творчества. Подчеркивается, что независимо от

¹ См.: Дугин А. Грани великой мечты // Русская цивилизация и соборность: Сб. статей. – М., 1994. – С. 49.

своих оценок, он никогда не противопоставлял Февральскую и Октябрьскую революции, рассматривая их как звенья единого революционного процесса.

В эмиграции Бердяев заявил о себе, как о противнике реставрационных проектов и насильственных методов борьбы с большевизмом. Его позиция определялась отношением «к русскому народу, к советскому народу, к революции как внутреннему моменту в судьбе русского народа»¹. Такое отношение, генетически связанное с пониманием места и роли России в мировой истории, с русской идеей, обусловило общую направленность его эмигрантский размышлений о Русской революции. К середине 1920-х гг., в произведениях Бердяева все отчетливее стали звучать утверждения о ее положительном религиозном смысле, что связано и с особенностями его религиозного сознания.

Стремясь к постижению смысла свершившейся в России революции, Бердяев выбрал в качестве методологической основы для ее исследования *«религиозно-апокалиптическую и историософическую точку зрения»*. Своими корнями она уходила в его теоретические искания и практическую деятельность по формированию «пореволюционного сознания», начатую еще при жизни в Советской России. Своеобразие «пореволюционного сознания» в понимании Бердяева определялось признанием «невозможности возврата к тому, что было до революции и войны» и обоснованием необходимости «примата культуры над политикой»² как условия конструктивной деятельности. Важнейшим его компонентом провозглашалась также идея преемственности.

Религиозно-апокалиптическая и историософическая точка зрения призвана была учесть сложность природы Русской революции. Ее основу составила творчески воспринятая Бердяевым идея французского мыслителя Ж. де Местра о революции как «внутреннем апокалипсисе истории», что в понимании русского автора означало «имманентное обличение неправды», совершаемое через «трансцендентную правду». Представление о революции как внутреннем апокалипсисе истории в концепции Бердяева связано с одним из его фундаментальных методологических принципов – признанием изначальной греховности

¹ Бердяев Н.А. Самопознание. – М., 1998. – С. 321.

² Бердяев Н.А. Евразийцы // Путь. – 1925. – № 1. – С. 101.

человеческой природы и неискоренимости метафизического зла в эмпирической истории. Это лежало в основе его принципиального неприятия отвлечённого морализма, создающего опасность подмены объяснения подлинных причин исторического события его произвольными оценками. Бердяев настаивал на роковом характере революций, на их неотвратимости, что свидетельствует о признании им своеобразной закономерности революции, не сводимой, однако, к историческому детерминизму.

В разделе 2.2 «Истоки революции в России» освещаются представления Бердяева о предпосылках Русской революции 1917 г. В числе первых он сформулировал теоретическое положение о ее обусловленности эндогенными процессами в стране. Выявляя ее истоки, он объективно указывал на комплекс социально-экономических предпосылок, в котором ключевое значение им придавалось аграрному вопросу. Иррационально-разрушительный характер революции он связывал с неудачной для России Первой мировой войной. Исторически объективным являлся вывод ученого об исчерпанности внутренних резервов развития российской монархии как формы государственной власти. Заметное место в этих его размышлениях занимает проблема роли самодержавия в формировании ряда особенностей российской политической культуры, например, низкой востребованности либерально-демократических идей в обществе.

Будучи христианским мыслителем, Бердяев усматривал связь Русской революции с кризисом исторического христианства, в том числе православия. Он указывал на ряд ключевых недостатков Русской православной церкви (исключительная зависимость от государственной власти; недостаточная реализация социально-преобразующей функции, недостаточное внимание к проблеме воспитания личности), так или иначе способствовавших эскалации революционных настроений в обществе.

Ответственность за революцию Бердяев возлагал также на русскую революционную интеллигенцию. Обращаясь к исследованию этого феномена отечественной истории, он указывал на два его понимания, бытовавших в России. Во-первых, интеллигенция как обобщающее определение интеллектуальной элиты страны, хранительницы национальной культуры. Во-вторых, интелли-

генция как «особая социальная группа», принадлежность к которой определялась особой социально-моральной настроенностью – «...сознанием своей вины и своего долга народу»¹. Он сосредоточил внимание на исследовании интеллигенции как малой социальной группы во втором смысле, обусловившей, по его убеждению, оригинальный характер Русской революции. Важное место в концепции Бердяева занимает также проблема русифицированного марксизма, о религиозных притязаниях которого он, наряду с С.Н. Булгаковым, заговорил в числе первых.

В разделе 2.3 «Марксизм и большевизм в Русской революции» рассмотрены представления Бердяева о двойственной природе большевизма одновременно как социально-культурного и политического феномена. Уже в 1918 г. ученый вразрез с преобладавшими в кругах противников революции мнениями высказал мысль о бесперспективности сведения её причин исключительно к деятельности большевиков, тем самым предлагая сосредоточить усилия на анализе более глубоких оснований революции.

Важной частью размышлений Бердяева является анализ комплекса причин, обусловивших победу большевиков. Признавая определенную роль Германии в Русской революции, соглашаясь с немалым значением эксплуатации социальных комплексов для ее разворачивания, Бердяев тем не менее не считал эти факторы основными в победе большевиков. Решающую роль, полагал он, сыграли изоморфность русифицированного марксизма русскому национальному характеру, сложно связанному с религиозной идеей, и его соответствие конкретно-историческим условиям предреволюционной России. Это обусловило, по убеждению Бердяева, и ведущую направленность Русской революции: «В России революция может быть только социалистической, она не может быть буржуазной»². В ходе ее разворачивания, по его мнению, произошло окончательное слияние трансформированной и деформированной русской идеи с ру-

¹ Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX – начала XX века // О России и русской философской культуре. – М., 1990. – С. 88.

² Бердяев Н.А. Трансформация марксизма в России // РГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 263. – Л. 5.

сифицированным марксизмом, что и породило в условиях России такое явление как русский коммунизм.

Представления Бердяева о национальной природе и религиозной направленности Русской революции обусловили характер его оценок основных ее последствий. Он признавал заслуги большевистской власти в деле сохранения российской государственности. Несмотря на негативное отношение ко многим проявлениям власти большевиков, он и в дальнейшем подчеркивал ее значение в деле защиты интересов России. Неизменно критикуя «ложный дух» большевизма, связанный с его моральным релятивизмом и политическим цинизмом, он в то же время указывал на необходимость положительного отношения ко многим завоеваниям революции, в особенности ее социальным достижениям. Идея об их значительности приобрела ключевое положение в произведениях ученого 1930–1940-х гг.

В главе 3 «Историософия советской истории Н.А. Бердяева» анализируются его представления об особенностях и перспективах развития Советской России. В разделе 3.1 «Рехристианизация мира: утопия или реальность» концепция советской истории Бердяева рассматривается как логическое завершение его концепции Русской революции. Он подчеркивал полисемантическую природу советского периода, обусловленную, по его мнению, одновременно особенностями отечественной истории и направленностью общемировых процессов в XX в. Общая тональность бердяевской модели советской истории задавалась его оригинальным восприятием ключевого символа христианского вероучения о пришествии Христа, как воплощенной воле Бога о переходе мира к качественно новому состоянию.

Подчеркнем значение для понимания концепции советской истории Бердяева его представлений о природе системного кризиса европейской культуры и возможных путях его преодоления, связывавшихся им с реабилитацией нравственно-духовных ценностей христианства и активизацией его социально-преобразующей функции. В условиях XX в. эта тема усложнялась необходимостью принимать во внимание значение техногенной экспансии, как фактора, придавшего невиданные ранее масштабы и глубину кризису безрелигиозной

культуры, в том числе ввиду расширившихся возможностей манипулирования общественным сознанием.

Позиция Бердяева в решении проблемы переустройства мира определялась его убежденностью в том, что мировое сообщество вплотную подошло к необходимости создания качественно новой модели социального устройства. Свое понимание вектора общемирового развития он выразил в следующем суждении: «Мир идет к трудовому обществу...»¹ Опыт построения социализма в Советской России, полагал он, следовало рассматривать в свете этой мировой перспективы. Размышления о перспективах мирового развития венчались в 1930-е гг. теорией персоналистического социализма, предполагавшей создание общности, базированной на религиозных началах. Социалистическая ориентированность персонализма Бердяева, вытекавшая из религиозного источника, несомненно, сказывалась на его оценках процессов, протекавших в Советской России.

В разделе 3.2 «Русский коммунизм и советское строительство» подчеркивается генетическая связь бердяевских представлений по этой проблеме с комплексом его религиозно-теоретических положений, в частности с его пониманием «русской идеи», по его убеждению, сохранявшей свою действенность в качестве внутреннего принципа культуры и в Советской России. Традиционные для Бердяева представления о мессианизме русского народа составили основу фундаментального положения его концепции советской истории, согласно которому «мировая роль» Советской России связывалась с «социальным переустройством мира» на началах, отличных от капиталистических. Своеобразие его восприятия советской истории связано и с его пониманием природы русского коммунизма. Наблюдения за деятельностью большевистской власти, отмеченной как достижениями, так и глубочайшими провалами, привели Бердяева к выводу об осуществленном ею синтезе двух российских традиций, ставшем основой ее разноплановой деятельности – «воли к господству и воли к осуществлению христианской правды, правды и в жизни социальной»². Искус-

¹ Бердяев Н.А. Парадоксы свободы в социальной жизни // Новый град. – 1931. – № 1. – С. 65.

² Бердяев Н.А. Россия Ксеркса и Россия Христа // Новая Россия. – 1939. – № 74/ 75. – С. 19.

ственность синтеза определила своеобразие внутренней и внешней политики советского государства.

Бердяев подчеркивал динамическую природу коммунизма, выразившуюся как в позитивных, так и в негативных формах, обусловленную его нацеленностью на создание «нового мира, непохожего на мир буржуазный»¹. Особое внимание он уделял истокам «огромной витальной силы, необычайной динамичности» советского народа, которые он связывал с переключением его религиозной энергии на социалистическое строительство. Религиозная составляющая марксизма, как идеологического фундамента русского коммунизма, нашла благодатную почву в этой религиозной предрасположенности народа. Религиозную, точнее псевдорелигиозную, подоплеку Бердяев находил и в советском государстве, как таковом, практика которого определялась догматическим следованием своеобразно истолкованному марксизму. Советский этатизм, полагал он, оказался ухудшенной модификацией традиционно русского этатизма, с характерными для него тоталитарными притязаниями.

Рассматривая русский коммунизм как «самое серьезное явление современного мира», Бердяев призывал к активизации усилий по его сущностной трансформации. Преодолению его негативных сторон, при одновременном сохранении его позитивных завоеваний, полагал он, могли способствовать исконные свойства русского народа. Тема особенностей российского менталитета как необходимого концепта трансформации общества к новому мироустройству постепенно начала играть основную роль в его историко-философских построениях эмигрантского периода творчества. В этом ключе следует интерпретировать его размышления о «советском неогуманизме», представленные на страницах его работ 1930–1940-х гг.

Особое место в концепции советской истории Бердяева занимает проблема природы и социальных последствий советского варианта индустриализации, связанная с его общетеоретическими представлениями. В общих чертах его интерпретация советской индустриализации корреспондируется с современными теориями модернизации. Ученый принимал во внимание своеобразие россий-

¹ Бердяев Н.А. Третий исход // Новый журнал. – 1953. – № 32. – С. 275–276.

ской социокультурной модернизации, в немалой степени обусловленное ее форсированными темпами. Специфика советского варианта модернизации связывалась им, кроме того, с социалистической идеологией, которая, по его убеждению, во многих чертах соответствовала русскому национальному характеру.

Одним из первых Бердяев затронул еще одну важную проблему: соотношения различных по своей природе тоталитарных систем – большевизма и национал-социализма. В работах начала 1930-х гг. он настаивал на типологической близости фашизма и большевизма; в поздний период творчества он обосновывал идею недопустимости их отождествления, несмотря на сходство ряда черт этих двух систем. В итоге он предложил рассматривать русский коммунизм, как «третью силу», не совпадавшую ни с западными демократиями, ни с фашистскими диктатурами.

В концепции советской истории Бердяева вызывает интерес его интерпретация коммунистической морали. Традиционные для него мысли о псевдо-религиозной и антигуманистической ее подоплеке в поздний период творчества дополнились принципиальным замечанием. Учёный пришёл к выводу, что в пределах коммунистического лагеря коммунистами не только не отрицалась мораль, но даже предпринимаются попытки принудительного её насаждения. Если позитивный компонент советской морали описывался им с большой симпатией, то все формы ущемления свободы в Советской России подвергались его обоснованной критике. В работах позднего периода он настойчиво проводил мысль о положительном значении возвращения к религиозности широких масс русского народа. Высоко оценивался им и советский патриотизм, симптомы которого проявились незадолго до начала Второй мировой войны.

Важное место в историко-философской концепции Бердяева занимала проблема русофобии, охватившей Запад на рубеже 1930–1940-х гг., усилившейся по окончании Второй мировой войны. Политическая конфронтация оценивалась им как серьёзное препятствие для внутренней трансформации негативных явлений советского общества, равно как и для моделирования новых международных отношений. В послевоенный период Бердяев особенно настойчиво под-

черкивал неизбежность интеграции мирового сообщества и необходимость формирования многополярного мира, в котором Советской России он отводил достойное место.

Признаем, что во многих выводах мыслителя относительно Советской России проявилось глубокое несоответствие собственных его представлений о коммунизме реальной практике социализма в России. Во всяком случае, проблема цены социалистических достижений не ставилась им во всей её остроте. Однако признаем и то, что советский опыт, как в позитивных, так и в негативных своих проявлениях оказался действенным фактором мирового развития, на что объективно указывал ученый.

Во второй части «СССР является живым и жизненным как продолжение России»: Русская революция и советская история в интерпретации Г.П. Федотова» освещаются концепции Русской революции и советской истории Федотова в контексте его общетеоретических представлений. **В главе 1 «Историко-религиозные представления Г.П. Федотова»** рассматриваются основные теоретико-методологические положения ученого. В разделе 1.1 «Теология культуры Г.П. Федотова» анализируется системообразующий принцип его историко-философской концепции о субстанциональной укорененности культуры – при расширенном ее понимании – в онтологических глубинах бытия. В теоцентрическом восприятии культуры коренился его важнейший методологический подход, а именно стремление изучать Россию в свете основных христианских идей. Для темы диссертации особенно важным является характерное для православного историка представление о народе как «соборной личности», имеющей своё особое религиозно-национальное предназначение. Сокровенный смысл русской культуры он связывал с ее принадлежностью к классической греческой культуре. Для России, локализованной между Западом и Востоком, усвоением ключевой «греческо-византийско-славянской» темы был задан сценарий, от реализации (либо не реализации) которого зависели ее исторические судьбы. Именно эта метаисторическая по своей природе тема, полагал он, обусловила универалистскую направленность отечественной культуры.

Одним из конкретно-исторических проявлений этой темы, согласно Федотову, являлась просветительская миссия России в имперский период ее истории.

Важной для Федотова являлась проблема взаимодействия сакрального и эмпирического уровней исторической реальности. Обосновывая сложную взаимозависимость разных уровней исторической реальности, имеющих равную ценность для реализации истории как богочеловеческого процесса, он писал: «Если сравнивать историю с театром, то идеальный «Театр истории человеческой»... должен быть построен подобно средневековому многопланному театру, где действие происходит одновременно в трёх ярусах: на небесах, в аду и на земле. Небу, аду и земле средневекового театра соответствуют в христианской истории – святость, грех и быт. Эти принципы православной историографии – мы убеждены – совпадают с принципами научной историографии вообще»¹. Сам он последовательно опирался на эту схему, находя в трагической истории России, в том числе советской, и негативные явления, и идеалистические элементы (как эксплицированные, так и латентные по форме выражения), и обыденность человеческого существования, сложно отделимые друг от друга в повседневной жизни народа.

Воспринимая историю как трагедию, Федотов выступал противником любых вариантов монистического её истолкования. О себе он заявил как о продолжателе Августиновского учения об истории «как вечной борьбе двух начал». В этой связи уместно указать на ключевое значение проблемы свободы для его историко-философских построений. В российской истории, подчеркивал он, судьбы свободы всегда отличались трагичностью. Проблема свободы в ее различных модификациях связана с интерпретацией Федотова темы «Восток – Запад». Будучи религиозным западником, он высоко оценивал достижения западного культурного мира. Модернизационный импульс, полученный Россией из Европы в результате петровских преобразований, позволил избежать ей вытеснения на периферию мирового развития. Однако и Европа не могла исключить Россию из своей жизни. Идея об их глубокой взаимозависимости од-

¹ Федотов Г.П. Православие и историческая критика // Федотов Г.П. Собр. соч.: В 12 т. – Т. 2. – М., 1998. – С. 225–226.

новременно как историческом факте и как привлекательном проекте мироустройства является одной из магистральных в историко-философских построениях Федотова. Проблему мировой интеграции он рассматривал в контексте кризиса европейской культуры, понимание природы которого обусловило и содержательную сторону его концепции Русской революции и советской истории в целом.

В разделе 1.2 «Методологические поиски Г.П. Федотова» затрагивается проблема своеобразия исследовательской технологии ученого. Приоритетным для мыслителя стал культурно-антропологический подход, что обусловило его систематическое внимание к проблеме сознания в различных его формах, – индивидуального, отдельных социальных групп, национального, религиозного – и его места в исторической жизни народов. Отметим значение элементов психоаналитических теорий в методологическом арсенале Федотова, прежде всего, неофрейдистских, получивших широкое распространение в его время. Очевидно их присутствие в его оригинальной «исторической схеме русского человека»¹, опираясь на которую он объяснял многие особенности отечественной истории. Суть этой схемы можно свести к представлению о человеке как состоящем из культурно-исторических напластований, древние пласты которого относились к весьма отдаленным временам. В результате в сознании русского человека в потенциальном состоянии оказывались совмещёнными архетипы различных эпох российской истории, актуализировавшихся в его сознании в самых неожиданных комбинациях.

Важным для понимания концепции Федотова является его представление об исторической преемственности. Он обозначил методологический принцип, согласно которому адекватное истолкование исторических событий предполагало внимание ко всем временным модальностям жизни изучаемого народа. Большое значение власти прошлого в истории народов выражалось в характере их религиозно-этических предпочтений, в устойчивости поведенческих стереотипов, в специфике структурирования времени, в константах политического со-

¹ *Федотов Г.П.* Письма о русской культуре // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: Избр. статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т. – СПб., 1991. – Т. 2. – С. 182–183.

знания, в особенностях межличностной коммуникации. Проблема преемственности в концепции Федотова пересекалась с проблемой альтернативности исторического развития. Альтернативность истории напрямую связывалась им в духе христианского персонализма с активностью человека, как главного агента истории, малой социальной группы или целого народа, как соборной личности.

В главе 2 «Русская революция в изображении Г.П. Федотова» рассматриваются его представления о природе революции в России, ее предпосылках и последствиях. В разделе 2.1 ««Пореволюционное сознание» Г.П. Федотова» раскрывается значение для эмигрантского творчества ученого присоединения к числу сторонников «пореволюционного сознания» (Н.А. Бердяев, Ф.А. Степун, И.И. Бунаков-Фондаменский и др.), считавших необходимым отказаться от упрощенных толкований Русской революции. Широкому распространению «пореволюционного сознания» в эмиграции особенно способствовали такие издания как «Путь» и «Новый град». Сущность «пореволюционного сознания» в понимании Федотова можно передать с помощью его формулы – «просветлённая непримиримость». В соответствии с ней все теоретические проекты и непосредственная социальная практика, так или иначе касавшиеся России, должны были осуществляться с учётом победившей революции. Общая тональность концепции революции Федотова в немалой степени была обусловлена его приверженностью идеям христианского социализма, что сказывалось на содержательной стороне его концепции Русской революции и советской истории.

При анализе представлений Федотова о Русской революции важно учитывать его специфическое толкование самого понятия «революция». Он рассматривал ее одновременно как хронологический факт и как разворачивающееся во времени событие, что позволяло ему отслеживать её трансформации и, соответственно, корректировать свои выводы в связи с текущим её состоянием. За всеми этими размышлениями Федотова имплицитно присутствует глобальная тема преемственности и разрывов в истории, в свете которой и следует рассматривать его концепцию Русской революции. Своеобразие его подхода заключалось в стремлении связать воедино все темпоральные модальности рос-

сийского исторического процесса, при признании самой революции диалектическим моментом в его развитии. Концепция Федотова усложнялась применением принципа индивидуализации исторического процесса.

Внутреннее единство работ Федотова, посвящённых проблеме Русской революции, достигалось благодаря раскрытию в них центральной для него темы уклонения империи от главного для неё просветительского предназначения. В соответствии с этим он обосновал гипотезу, согласно которой подлинной причиной революции в России признавался затяжной кризис самодержавной власти, растянувшийся, по его мнению, почти на полтора столетия. Выявление истоков системного кризиса ученый осуществлял, опираясь на логическую конструкцию «идеального типа», разработанную М. Вебером.

В разделе 2.1 «Предпосылки, характер и последствия Русской революции» освещаются представления ученого по этим проблемам. Своеобразие его подхода определялось стремлением учитывать не только социально-экономические, но и социально-культурные и духовные истоки революции. С этой целью он проанализировал основные силы и социальные группы предреволюционной России, несущие историческую ответственность за свершившуюся в стране революцию – монархию, Русскую православную церковь, дворянство, бюрократию, буржуазию, революционную интеллигенцию. Эта последняя в его интерпретации выступала как наиболее социально чуткая часть российского общества, вынужденно вступившая в борьбу с монархическим режимом, уклонившимся от своего предназначения. Новаторским для своего времени являлось обоснование Федотовым тезиса о существовании подобных социальных групп и в других странах, развивавшихся по сценарию догоняющей модернизации. Сравнительный их анализ утвердил его во мнении о специфическом характере русской интеллигенции, отличающейся от аналогичных групп других стран чрезмерно критическим отношением к своей почве. Свой анализ русской революционной интеллигенции Федотов усложнял указанием на значение религиозного компонента в структуре ее менталитета, связанного с православным духовным типом.

В своей концепции Федотов затронул проблему значения марксизма в Русской революции. Восприятие и оценка марксизма, как научной парадигмы и как революционной идеологии, содержащей в себе «хотя и тёмную, религиозную идею» были схожи с бердяевскими выводами о его природе. Подобно Бердяеву, он также настаивал на специфическом характере русской версии марксизма, далеко отстоящей от учения Маркса, связывая с этим многие негативные последствия для судеб России.

Федотов предпринял комплексный анализ причин, обусловивших политическую победу большевиков в России. Ключевое значение он придавал особенностям идеологии большевистской партии, организационному устройству, а также личностным характеристикам ее лидера. Он также подчеркивал значение изоморфности ряда характеристик большевиков исконным свойствам русского народа. Независимо от своего критического отношения к большевикам, ученый признавал адекватность их тактики в конкретно-исторических условиях Русской революции, отягощённой войной. Всегда сожалея о поражении Февральской революции, он вместе с тем не сомневался в глубоком внутреннем единстве Февраля и Октября, – при одновременной констатации их существенных различий, – как двух вех единого революционного процесса.

Непосредственные последствия Русской революции Федотов оценивал неоднозначно. Существенным для понимания оценок ученого является его позитивное отношение к падению российской монархии как формы власти. Его негодование вызывало лишь то, что власть в стране оказалась в руках радикальной большевистской партии, мало готовой к конструктивной деятельности в интересах нации как единого соборного организма. Однако он не торопился связывать все негативные аспекты революции исключительно с ее контрпродуктивной деятельностью. Своё значение имели и другие факторы, сложно влиявшие на ход революции, её итоги, на самый её характер. В их число Федотов включал свойственное для традиции российского освободительного движения, как и для русского народа в целом, недостаточное внимание к проблеме свободы, обусловившее её подчинённое положение в системе его ценностей. Большевики, опиравшиеся на традицию российского деспотизма, довели до

предела ущемление свободы в западном её понимании в пореволюционный период. Оправданные опасения Федотова вызывала культурная разрушительность революции.

В составе важнейших положительных завоеваний революции особое значение Федотов придавал росту социального самосознания народных масс. Лишь сталинская контрреволюция, полагал он, положила начало уничтожению этого завоевания революции. С рубежа 1920–1930-х гг. тема излишней покорности русского народа становится доминирующей в работах ученого. Согласно Федотову, революция 1917 года в России содержала в себе разнонаправленные тенденции, часть которых соответствовала общей линии её исторического развития, как в негативных, так и в позитивных проявлениях. Подлинную трагедию революции он усматривал в постепенной утрате ею творческого потенциала и собственных позитивных завоеваний, основной груз ответственности за что возлагался им на большевиков.

В главе 3 «Советская история в изображении Г.П. Федотова» анализируются размышления ученого о Советской России, изучавшейся им в динамике, что позволило отразить своеобразие отдельных ее периодов. В разделе 3.1 «Советская Россия: нереализованные возможности» подчеркивается стремление ученого учитывать семантическую сложность советской истории. Важнейшим положением концепции Федотова являлось признание им Советской России одним из этапов российской истории при одновременном встраивании ее в общецивилизационные процессы. Продолжительное время её жизнеспособность не вызывала его больших опасений. В первые годы существования советского государства, полагал Федотов, конвенциональной для большинства россиян стала социалистическая идея, определявшая направленность хозяйственной и социальной активности всех категорий населения. В свете этой идеи, созвучной национальным представлениям о социальной справедливости, полагал он, была осуществлена и национализация экономики. Позднее, признав советскую версию национализации чуждой социалистическому проекту, ученый, тем не менее не отказался от своей идеи изоморфности социализма русскому национальному характеру.

Важным последствием революции являлось переформатирование социальной структуры в стране, что стало предметом пристального внимания Федотова в 1930–1940-е гг. Процессы социальной и культурной мобильности, инициированные революцией, рассматривались им как показатель нормализации жизни в пореволюционной России. Интенсивные процессы социальной стратификации сопровождались формированием нового неравенства, появлением новых элит. Вплоть до сталинской контрреволюции он не сомневался в позитивности этих процессов, несмотря на наметившийся уже в первые годы существования советского государства их искусственный характер, обусловленный усилением партийной монополии.

В статьях 1920–1930 гг. ученый уделил внимание проблеме трансформаций сознания основных социальных групп советского общества. Скрупулёзно анализируя эти процессы, он указывал на постепенное частичное преодоление в советском обществе многих последствий имморализма, вызванных революцией. Указывал он на широкое распространение социального идеализма в Советской России, связывавшегося им не только с революционной идеологией, но и с цивилизационным уровнем российского менталитета. Одной из проблем, неизменно вызывавших интерес Федотова, являлась проблема устойчивости советского строя. Подобно Бердяеву, Степуну, Франку, он считал, что большевики удерживали власть не только с помощью насилия. Устойчивость советского государства он связывал со своеобразием социальной структуры, сложившейся в пореволюционный период в России, и со своеобразием сформировавшейся в результате системы социальных связей.

В разделе 3.2 «Советская индустриализация и сталинокрратия» освещаются представления Г.П. Федотова о советской истории периода сталинизма, в терминологии ученого «сталинокрратии». Важное место в его концепции занимает проблема «индустриализации», которая рассматривалась им в качестве ключевого компонента советской модернизации. Представления Федотова о советской индустриализации не всегда отличались последовательностью. Тем не менее ведущей в его суждениях на этот счет была уверенность в необходимости индустриализации как условия сохранения национально-

государственного могущества России. Учёный не оставил без своего внимания сложную проблему ее ресурсов, равно как мотивации непосредственных её участников. Он указал на трагичное сочетание в практике советского строительства неслыханного насилия над русским народом и энтузиазма, подпитываемого социальным идеализмом, равно как привлекательностью технического идеала капитализма, воплотившегося в мечте «Россия – Америка».

Индустриализация Советской России заметно осложнялась формированием феномена «сталинокрапии», с определённого момента занявшего ключевое положение в концепции советской истории Федотова. В самом общем виде «сталинокрапия» выступала для него показателем реставрации монархического строя в России в соответствии со сталинской «концепцией коммунизма как абсолютного самодержавия»¹. Содержательную сторону «сталинокрапии» составило тотальное разрушение революционных достижений республиканского характера в России. Возможность этого Федотов связывал не только с внутрипартийными процессами в большевистской партии, но и с рядом ментальных особенностей русского народа (наличие в его сознании монархического комплекса и набора «антилиберальных» ценностей, являвшихся оборотной стороной исторически сложившегося служилого характера российского государства). Экспансия сталинокрапии в стране, а с 1944 г. и за ее пределами, усиливала пессимистические настроения Федотова. Постепенно негативные оценки советской действительности начали явно доминировать в размышлениях учёного, что отчётливо проявилось в статьях американского периода его творчества (1942–1951).

Лишь дальнейшая интеграция мирового сообщества, полагал он, могла заблокировать распространение тоталитарных тенденций в мире. Еще в довоенный период Федотов наметил свой проект всемирной федерации – «Pax Atlantica», или «Pax Americana», основу которого составлял принцип сочетания политической власти единого центра и культурной автономии всех народов. В послевоенный период эта идея становится ключевой для его представлений о перспективах дальнейшего развития мирового сообщества. Привлекательность для

¹ Федотов Г.П. Загадки России // Федотов Г.П. Собр. соч.: В 12 т. – Т. 9. – М., 2004. – С. 59.

Федотова как русского религиозного мыслителя идеала мирового синтеза, усиленная глубоким неприятием сталинокрации, не позволила ему увидеть те опасности, которые таились в проекте однополярного устройства мира.

В третьей части «Советский Союз – не Россия»: взгляд на Русскую революцию и советскую историю И.А. Ильина» рассматриваются концепции Русской революции и советской истории в комплексе с его историко-религиозными представлениями. **В главе 1 «Историко-религиозные представления И.А. Ильина»** анализируются его общетеоретические взгляды. В разделе 1.1 «Религиозно-философское познание истории» освещаются теоретико-методологические основания его концепции. Для понимания специфики историко-философской концепции Ильина важно учитывать его стремление обнаружить механизмы поддержания социальных связей, способных обеспечить устойчивость развития общества, равно как факторы, препятствующие этому. Эта исследовательская установка предопределила основной вектор его историко-теоретических изысканий. Сердцевину подхода Ильина составлял синтез собственно научного метода с характерными для него принципами объективности и верифицируемости с религиозно-духовным постижением истории. Такая исследовательская стратегия основывалась на широком применении полидисциплинарных технологий.

Следуя классической христианской парадигме истории, Ильин настаивал на провиденциальном характере исторического процесса. Здесь следует искать истоки его глубокой убежденности в существовании исторической преемственности, как необходимого условия процветания народа. Другим источником такого восприятия истории являлась философия Гегеля. Однако эти идеи, плодотворно примененные к познанию дореволюционной России, равно как для моделирования будущего устройства страны, были отброшены им в ходе анализа советской истории, воспринимавшейся им в качестве абсолютного разрыва исторической ткани.

В историко-философской концепции Ильина одно из важных мест занимает идея «многоединства во Христе», также являвшаяся традиционной для русской религиозной мысли. В его концепции эта идея предполагала признание

социокультурной уникальности отдельных народов как естественного воплощения христианской идеи единичности личности. С этими историко-философскими размышлениями Ильина связаны его представления о русской идее, отождествлявшейся им с «русским делом», которое, в свою очередь, рассматривалось одновременно в качестве религиозного, национального и государственного служения народа.

Значительную часть историко-философских размышлений Ильина занимает анализ истоков кризиса европейской культуры, проявившегося во всех сферах социального взаимодействия. Неуклонная секуляризация европейской культуры обусловила присвоение религиозной значимости объектам, ранее не претендовавшим на подобный статус. Именно в процессах вытеснения подлинных сакральных ценностей из общественного сознания, обусловивших «формализацию» европейской культуры, Ильин находил истоки распространения «мирового революционно-коммунистического движения». Этому в немалой степени способствовал и кризис принципа частной собственности, также связывавшийся им с процессами формализации.

Глубину историко-философским размышлениям Ильина придавало его антропоцентрическое видение истории, сочетавшееся с признанием ее провиденциального характера. Подобно другим религиозным мыслителям, он стремился учитывать «двусоставность» человеческой природы, представлявшей в его интерпретации синтез природно-исторических и религиозно-духовных начал. Такая исследовательская установка обусловила его пристальное внимание к мотивационной составляющей поведения человека как главного агента исторического процесса.

В разделе 1.2 «И.А. Ильин о роли государства и правосознания в истории» освещаются ключевые для его концепции представления о природе государства и правосознания и их роли в истории. В эмигрантский период творчества особую напряженность историко-философским размышлениям Ильина придавало его представление о «религиозном межевании» мира, о масштабном столкновении Бога и антирелигиозных сил, эксплицированном в катастрофических событиях XX в. Важным условием противостояния «живой стихии зла»

постулировалась способность народа к консенсусу относительно эффективной этической системы, воплощенной, в частности, в системе правовых норм в конкретной государственно-политической форме. С этими размышлениями Ильина связано его представление о высокой ценности государства, которому он придавал религиозное значение как началу, способному обеспечить устойчивое развитие народа и организованное сопротивление злу. Позитивные оценки этого социального института увязывались им со степенью его соответствия основной функции – национальному служению «делу Божию на земле».

Подлинное предназначение государства, полагал Ильин, могло раскрыться в полном объеме лишь при условии инкорпорации его как ценности в сознание человека. В этой связи представляют интерес его размышления о сущности правосознания, обусловившие своеобразие его историко-философской концепции. Он подчеркивал, что предметом его изучения является «жизненный уклад правосознания»¹. Это можно интерпретировать как комплексное постижение права и правосознания в широком социально-историческом контексте с обязательным признанием его религиозно-этической природы. Ильин сформулировал «аксиомы правосознания»: «...чувство собственного духовного достоинства, способность к самообязыванию и самоуправлению и взаимное уважение и доверие людей друг к другу»².

Как убежденный государственник и консерватор по своим убеждениям, Ильин уделял большое внимание проблеме государственной формы, которая, как он полагал, не могла произвольно навязываться народу в силу ее конкретно-исторической обусловленности. Условием функциональности государственной формы в каждом конкретном обществе являлась, по его мнению, ее изоморфность правосознанию народа. Исторически сложившиеся особенности России, полагал он, способствовали тому, что ее основной государственной формой стала монархия, как наиболее соответствующая ее исторической судьбе. Важным условием устойчивости государственной формы, согласно Ильину,

¹ *Ильин И.А.* О монархии и республике // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. – Т. 4. – М., 1994. – С. 510.

² *Ильин И.А.* О сущности правосознания // Там же. – С. 231, 289.

являлись качественные показатели власти. Он сформулировал «аксиомы власти», которые, подобно «аксиомам правосознания», были для него важным критерием в оценке социальных явлений. В их число он включал правовую полномочность и духовную компетентность власти, единство власти, привлечение лучших людей к власти, обеспечивающих ее авторитет, следование власти единой цели и общему национальному интересу, реальность и осуществимость декларируемой и реальной политики власти, позволяющая исключить радикальные проекты преобразований. Наконец, шестая аксиома власти предполагала следование принципу «распределяющей справедливости», исключающему как уравнилельные представления о справедливости, так и неоправданные привилегии граждан. Аксиомы власти, как и аксиомы правосознания в его концепции выступали критерием духовной, культурной, политической, экономической зрелости народа и отдельного индивида.

В главе 2 «И.А. Ильин о революции 1917 г. в России» рассматриваются представления ученого о Русской революции. В разделе 2.1 «Русская революция: борьба за справедливый правопорядок или крушение России?» на основе анализа целого комплекса источников выявляется неоднозначность восприятия революции мыслителем в разные периоды творчества. Подчеркивается значение эволюции общественно-политических предпочтений Ильина от политического радикализма к либеральному консерватизму, сказавшейся на его восприятии революции и советского строительства. Указывается на его позитивное восприятие Февральской революции в России 1917 г. Отмечается характерное для него в тот период понимание революции как общенациональной формы борьбы за справедливый правопорядок, позволяющее понять характер его деятельности в годы жизни в пореволюционной России, и которое лишь постепенно трансформировалось в сторону отвержения революции.

Основной причиной революции в работах Ильина первого пореволюционного времени объявлялась исчерпанность ресурсов действовавшей власти для дальнейшего обновления российского общества. В эмигрантский период его творчества верная идея об обусловленности российского кризиса внутренними социально-экономическими и политическими причинами стала значи-

тельно менее выраженной. Важной причиной революции он считал Первую мировую войну, в немалой степени обусловившую и стиль пореволюционного строительства. В структуре причин Русской революции особое место Ильин отводил особенностям правосознания россиян, в частности, их отношению к частной собственности, без особых колебаний допускавшего не только легитимные, но и «черные переделы». Преобладание «количественного» понимания сущности экономической деятельности в широких слоях русского простонародья в ущерб «качественному» его толкованию, полагал он, в немалой степени обусловило успешность демагогии революционных партий. С отсутствием устойчивых представлений о частной собственности Ильин связывал слабую выраженность среднего класса в России, что также сыграло свою негативную роль в революции.

Важной причиной революции Ильин считал злоупотребление русской монархической властью негативными методами социального контроля, особенно в ходе разрешения социальных конфликтов. Обратной стороной этого стала оправданная «жажда обратного насилия». Их диалектика вела к ослаблению социальных связей в стране, к росту взаимного недоверия власти и общества, к расколу между различными социальными категориями. В этой связи Ильин вынужден был признать неорганичный характер русской истории. В рамках этих размышлений отчетливо обозначилась важная для него тема «социального доверия», в контексте которой он рассматривал проблему десакрализации монархической идеи в сознании россиян. В эмиграции решающее значение в расшатывании социального доверия как стержневого компонента правосознания Ильин приписывал русской революционной интеллигенции, отождествлявшейся им с революционно настроенной образованной частью общества.

Большое внимание в своих работах Ильин уделял проблеме причин политической победы большевистской партии. Этому способствовало, полагал он, деформированное толкование демократических начал в России в духе ложно понятого эгалитаризма, вседозволенности и «разнузданности» (что связывалось им с глубоким недоверием народа к самой идее законности). Этому, согласно Ильину, способствовала также эксплуатация большевиками особенностей со-

циальной психологии, прежде всего социальных комплексов, народа, как важного механизма архаизации его сознания, что способствовало обретению ими широкой социальной базы. Постепенно эта тема становится одной из ведущих в его размышлениях о революции. В эмиграции Ильин также указывал на проявленную большевиками способность к эксплуатации особенностей религиозного сознания русского народа.

Осознание победы большевиков как поражения революции обострило в Ильине чувство патриотизма, что наряду с ростом ощущения утраты исторической России явилось ведущим мотивом, подтолкнувшим его к борьбе с ними. Явным признаком его непримиримости по отношению к новой власти стала его поддержка сил, традиционно называвшихся в советской историографии «контрреволюционными». Уже в эмиграции он стал непосредственным участником и идеологом Белого движения, задачей которого провозглашалось национально-духовное и государственно-политическое возрождение России. Будучи противником большевизма и советского государства, Ильин, тем не менее, был и противником реставрационных проектов, позиционируя себя как «непредрешица».

В разделе 2.2 «Русская революция в свете религиозных идей» рассматривается своеобразие религиозного переосмысления Русской революции Ильиным, что было связано с особенностями его религиозного сознания. Для понимания его концепции представляется важным его восприятие революции как результата «Божьего перста, ведущего к духовному очищению, перерождению и обновлению национальной жизни»¹. Вся напряженность такого переживания высвечивается в свете его убеждения о резкой поляризации божественных и антирелигиозных сил в мире, усилившейся в XX в. Россия же, благодаря роковому стечению обстоятельств, стала ареной столкновения вселенского зла с Богом. В контексте такого апокалиптически окрашенного восприятия революции, связанного с ключевой для религиозного сознания идеей спасения, у Ильина постепенно формировалось неприятие большевизма уже не только и не столько

¹ *Ильин И.А.* Духовная культура и её национальные вожди. Памяти князя Евгения Николаевича Трубецкого // *Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. – Т.9–10. – С. 235.*

в качестве политической силы, но, прежде всего, силы, сатанинской по своей природе. В эмигрантский период он начал настоящий «крестовый поход» против большевизма. Не находя никаких позитивных достижений в пореволюционной России, он пришел к мысли, что единственной задачей большевиков являлся захват власти в поверженной стране и превращение ее в «плацдарм мировой революции». Эта метафора и подобные ей («бочка с дегтем», «бумажный склад для мирового пожара»¹) постепенно становятся основными в его характеристике Русской революции.

В эмиграции одной из магистральных для Ильина является тема прямой ответственности Запада за революцию в России, усложнявшаяся его более общими обвинениями Запада в инициировании процессов секуляризации, трансформировавших матрицу европейской культуры, обусловивших ее кризис, столь ярко проявившийся в стихии Русской революции. Вопреки широко распространенному в Европе мнению относительно национальной природы большевизма, что произошло в значительной степени под влиянием Бердяева, Ильин настойчиво подчеркивал его универсальный характер. По его убеждению, российским феноменом большевизм стал лишь благодаря стечению благоприятных для него обстоятельств. Подобное понимание сущности большевизма, для экспликации которой требовалось лишь наличие благоприятных условий, главным из которых являлось расшатывание христианской системы ценностей, позволяло Ильину усматривать его присутствие в качестве болезненной потенции в любом обществе. Антирелигиозная и разрушительная, по его убеждению, сущность большевизма проявилась в ходе советского строительства в России.

В главе 3 «И.А. Ильин о Советской России» рассматривается его концепция советской истории. В разделе 3.1 «Сущностные характеристики советского государства в интерпретации И.А. Ильина» освещаются взгляды ученого, связанные с его анализом общественно-политического строя, установившегося в России в пореволюционный период. Он полагал, что в России сложилась тираническая форма власти. Политическая идентификация Советской России как

¹ *Ильин И.А.* Кто совершил? // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. – Т.5. – С. 262.

«республики» не представлялась ему убедительной. Стержневой для концепции советской истории Ильина явилась идея о нелегитимности советского государства и его глубокой чужеродности государству предшествовавшего периода. Главным аргументом в пользу такого суждения он считал его приверженность идее мировой революции в ущерб национальным интересам и искоренение всех былых форм государственной организации и структур общественного самоуправления в России. Об этом свидетельствовал и отказ от дореволюционной юриспруденции, упростивший разрушение правосознания народа. Глубоко неверными представлялись ему любые попытки связать деспотический характер большевистской власти с предшествовавшей традицией власти в России. Не последнее место в системе его аргументации о чужеродности советского государства общей канве российской истории играло убеждение в том, что к управлению пореволюционной Россией пришло чрезвычайно много «граждан других государств»¹.

Разорительной для страны оказалась хозяйственная практика большевиков, зависевшая от идеологического фактора, базированная на отрицательном отношении к принципу частной собственности. Высказывая немало верных суждений по этой проблеме, Ильин оставил без должного внимания линии преемственности в специфическом отношении россиян к частной собственности в дореволюционной и пореволюционной России. Большое значение он придавал анализу стратификационных процессов в Советской России, отличавшихся, по его убеждению, искусственным и глубоко антисоциальным характером.

В разделе 3.2 «Судьбы идеи законности в советском государстве: взгляд И.А. Ильина» уделяется внимание его оценкам советской реальности. Его обеспокоенность вызывала «культурная деградация» народа². Ярким показателем этого для него выступал кризис семьи в пореволюционной России, – проблема, ставшая одной из ключевых для него в эмиграции.

¹ *Ильин И.А.* Коммунизм и мировой порядок // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. – Т. 7. – М.: Русская книга, 1998. – С. 206.

² *Ильин И.А.* Коммунизм или частная собственность? Постановка проблемы // Там же. – С. 54.

Радикальная трансформация общества в угоду разжигания мировой революции, подчеркивал Ильин, могла осуществляться лишь на основе отлаженной системы террора и политического сыска. Любые иные интерпретации жизнеспособности коммунистического проекта представлялись ему неубедительными. Специфическое отношение большевиков к идее «законности», подчеркивал Ильин, обусловило доминирование партийных директив в пространстве власти в Советской России, что сказывалось разлагающе на правосознании народа. Особенно угрожающей для исторических судеб страны являлось пренебрежительное отношение большевиков к национальной идентичности, что сказывалось на характере не только внутренней, но и внешней политики советского государства. По окончании Второй мировой войны эту последнюю Ильин называл не иначе как «компрометированием русской национальной государственности»¹.

Безусловный вред стране, по убеждению Ильина, наносила и такая особенность большевистской власти как ее приверженность доктрине «сознательного, воинствующего материализма». Сущность чаемой большевиками культуры он обозначил с помощью понятия «культурбольшевизм», в его интерпретации представлявшего собой оппозицию культуре христианской². Масштабы антирелигиозной борьбы в пореволюционный период, полагал он, позволяли говорить о «мученичестве церкви» в СССР.

В своей концепции советской истории Ильин уделил внимание проблеме советской индустриализации, в которой он также не находил ничего позитивного. Главное своеобразие советского варианта модернизации он связывал с государственным монополизмом во всех сферах жизни и деятельности советского общества и обусловленным этим «крепостничеством» в различных его модификациях. «Коммунистическое крепостничество» крестьян, промышленных рабочих, советской интеллигенции, по Ильину, обусловило крайнюю неэффективность советского строительства. Сосредоточив внимание на критике изъянов советской модернизации, он обошел стороной проблему ее необходи-

¹ Ильин И.А. Советский Союз – не Россия. Памятные тезисы // Там же. – С. 330.

² Ильин И.А. Яд. Дух и сущность большевизма // Там же. – С. 174.

мости как условия укрепления страны, что столь высоко им самим оценивалось применительно, например, к петровской модернизации.

Отрицая наличие каких бы то ни было позитивных достижений в СССР, Ильин не допускал и проявлений положительного восприятия советскими людьми своей страны. В этой связи показательной являлась его критика советского патриотизма. Сводя его к преданности «советской форме», – «советчине», термин, придуманный П.Б. Струве по аналогии с «опричниной»¹, – Ильин настойчиво подчеркивал его противоестественную природу. В процессе своих размышлений он сформулировал тезис «Советское государство – не *Россия*; и Русское государство – не *Советский Союз*», отказываясь видеть их преемственность. Воспринимая Советскую Россию исключительно, как «подъяремную Россию», Ильин весь свой талант направил на разоблачение системы, по его мнению, поработившей ее. В свете подобного восприятия советской действительности вполне логичным являлся общий вывод Ильина о советском государстве как абсолютном провале в отечественной истории, что заметно упрощало сложную и трагическую советскую историю.

В **Заключении** подводятся итоги исследования. Современные исследователи нередко апеллируют к многоплановому теоретическому наследию Бердяева, Федотова и Ильина, находя в нем немало плодотворных идей для осмысления исторического прошлого русского народа и для анализа происходящих ныне российских и общемировых процессов. Однако такое обращение нередко носит дискретный характер, не учитывающий степень взаимосвязанности отдельных теоретических положений с глубинными основаниями их историко-религиозных концепций. В диссертации обосновывается необходимость системного подхода к изучению концепций Русской революции и советской истории этих авторов, предполагающего их комплексный анализ в связи с их общетеоретическими взглядами и мировоззренческими позициями.

Несомненна актуальность обращения к этим теориям религиозных мыслителей. До настоящего времени в российском обществе сохраняются диамет-

¹ Смагина С.М. Петр Бернгардович Струве: либерал-консерватор или консерватор-либерал? // Консерватизм в России и мире: в 3 ч. – Воронеж, 2004. – Вып. 3. – Ч. II. – С. 248.

рально противоположные оценки Русской революции и инициированного ею пореволюционного строительства. О неоднозначности их восприятия свидетельствуют также работы зарубежных исследователей. Это оттеняет необходимость дальнейшего изучения Русской революции и советской истории. Одним из конструктивных вариантов решения этой актуальной задачи является синтез конкретно-исторических исследовательских практик с практиками христианской историографии, что может рассматриваться как перспективное направление в современной исторической науке. Обращение к опыту религиозно-духовного постижения истории будет способствовать не только высвечиванию новых граней и смыслов нашего недавнего прошлого, но и концептуальному переосмыслению многих устоявшихся представлений о нем.

На страницах диссертации показана актуальность многих размышлений Бердяева, Федотова и Ильина об истоках Русской революции и факторах, обусловивших ее своеобразную природу и неоднозначные последствия. Научный интерес представляют их суждения относительно узловых проблем советской истории. Своеобразие исследовательских технологий, полидисциплинарных по своей природе, способствовало их углубленному изучению. Основным фокусом историко-философских исследований Бердяева, Федотова и Ильина стала проблема преемственности и разрывов отечественной истории, в свете которой они рассматривали революцию и сложные изгибы пореволюционного строительства в стране.

Необходимо принимать во внимание значение их мировоззренческих оснований для самой направленности такого анализа. Так, Ильин, окончательно определившийся в эмиграции в либерально-консервативных взглядах, подчеркивал глубокую чужеродность советской истории российскому историческому процессу. Его представление о Советской России, как разрыве исторической ткани с особенной силой заостряет проблематичность поступательного развития страны при восприятии целого ее периода в качестве абсолютного провала. Бердяев и Федотов, будучи сторонниками христианского социализма, рассматривали Русскую революцию, как рубежное событие в переходе общества к «новой эпохе», советское строительство как деформированный ответ на этот вызов

христианскому человечеству, а советскую историю в целом как один из модулей исторического существования России. Подобный подход существенно расширял исследовательские перспективы, позволяя рассматривать Русскую революцию и советскую историю как противоречивое единство позитивных и негативных процессов, обусловивших своеобразие Советской России и ее всемирно-историческое значение, как фактора, оказавшего многоплановое воздействие на мировые процессы не только в режиме «короткого», но и «долгого» времени.

Всестороннее изучение историко-философских концепций Русской революции и советской истории Бердяева, Федотова и Ильина не дает однозначных ответов на сложнейшие вопросы, до настоящего времени вызывающие интерес историков и общественности в целом. Однако глубина и высокий научный уровень предпринятых ими изысканий стимулирует исследовательскую мысль, способствуют расширению существующих ныне представлений о природе и значении революции 1917 г. и советского строительства в России.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Монографии

1. Гаман, Л.А. Историософия Н.А. Бердяева [Текст]. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – 214 с.
2. Гаман, Л.А. Революция 1917 г. и советская история в освещении русской религиозной эмигрантской мысли [Текст]. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. – 332 с.

Статьи, опубликованные в ведущих научных рецензируемых журналах, определенных ВАК

3. Гаман, Л.А. Советская история в изображении Ф.А. Степуна: к постановке вопроса [Текст] // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. Источниковедение. – 2005. – Т. 289. – С. 6–13 (7 с.).
4. Гаман, Л.А. Советская история в изображении Г.П. Федотова: к постановке вопроса [Текст] // Известия Томского политехнического университета. – 2005. – Т. 308. – № 3. – С. 213–218 (5 с.).
5. Гаман, Л.А. Некоторые аспекты интерпретации Г.П. Федотовым русской революции 1917 года [Текст] // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (История, этнология). – 2006. – Выпуск № 1 (№52). – С. 69–75 (6 с.).
6. Гаман, Л.А. Концепция советской истории Г.П. Федотова (1886–1951): методологический аспект [Текст] // Известия Томского политехнического университета. – 2007. – № 3. – Т. 310. – С. 189–194 (5 с.). (Статья поступила в редакцию 16 ноября 2006 г.).

7. Гаман, Л.А. И.А. Ильин о революции 1917 года в России [Текст] // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (История, этнология). – 2007. – Вып. № 3 (66). – С. 131–135 (4 с.). (Статья поступила в редакцию 27 октября 2006 г.).
8. Гаман, Л.А. Историко-теоретические представления Г.П. Федотова [Текст] // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 294. – С. 156–163 (7 с.).
9. Гаман, Л.А. Некоторые аспекты концепции советской истории Н.А. Бердяева [Текст] // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – Т. 310. – С. 65–71 (6 с.).

Учебно-методические пособия

10. Гаман, Л.А. Информационное общество и проблемы образования [Текст]. – Северск: Изд-во Северского гос. технолог. ин-та, 2003. – 80 с.
11. Гаман, Л.А. Советская история в изображении Н.А. Бердяева и Г.П. Федотова: некоторые аспекты проблемы в контексте теории модернизации [Текст]. – Северск: Изд-во Северского гос. технолог. ин-та, 2004. – 19 с.

Тезисы докладов и статьи по проблематике диссертации

12. Гаман, Л.А. Проблема русской революции в историософии Н.А. Бердяева [Текст] // Новое в изучении и преподавании истории в вузах: Материалы науч.-практ. конф. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. – С. 136–138 (2 с.).
13. Гаман, Л.А. Историософская концепция Н.А. Бердяева [Текст] // Методологические и историографические вопросы исторической науки. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. – Вып. 22. – С. 173–183 (10 с.).
14. Гаман, Л.А. Российский исторический процесс в изображении Н.А. Бердяева [Текст] // Историческая наука на рубеже веков: Материалы всероссийской научной конференции. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. – С. 95–102 (7 с.).
15. Гаман, Л.А. Н.А. Бердяев как историософ русской революции [Текст] // Методологические и историографические вопросы исторической науки. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – Вып. 24. – С. 69–81 (12 с.).
16. Гаман, Л.А. Историософия советского периода российской истории Н.А. Бердяева [Текст] // Методологические и историографические вопросы исторической науки. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – Вып. 27. – С. 94–114 (20 с.).
17. Гаман, Л.А. Поиски понимания советской истории: Г.П. Федотов и Ф.А. Степун о Советской России [Текст] // Деятельностное понимание культуры как вида человеческого бытия: Материалы III Междунар. науч. конф. (Нижевартовск, 8–9 декабря 2005 года) – Нижневартовск: Полиграф Инвест-сервис, 2005. – С. 146–149 (3 с.).
18. Гаман, Л.А. Религиозное постижение истории: Ф.А. Степун о советской истории [Текст] // Первые исторические чтения Томского государственного педагогического университета: Материалы междунар. конф. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. – С. 4–11 (7 с.).
19. Гаман, Л.А. Правосознание и патриотизм в историко-философской концепции И.А. Ильина (1882–1954 гг.) [Текст] // Технология и автоматиза-

- ция атомной энергетики: Сб. статей. – Северск: Изд-во Северск. гос. технолог. ин-та, 2006. – С. 200–205 (5 с.).
20. Гаман, Л.А. Проблема патриотизма и правосознания в системе образования (на примере анализа историко-философских взглядов И.А. Ильина) [Текст] // Проблемы социальной философии и социальной работы: Материалы II Всерос. науч.-практ. конф. – Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2006. – Вып. 4. – С. 52–53 (1 с.).
21. Гаман, Л.А. Проблема преемственности и разрыва в отечественной истории в эмигрантской историко-философской мысли (И.А. Ильин о Советской России) [Текст] // Методологические и историографические вопросы исторической науки. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. – Вып. 28. – С. 129–140 (11 с.).
22. Гаман, Л.А. Проблема «Восток – Запад» в концепции советской истории Г.П. Федотова // История идей и история общества: Материалы V Всерос. науч. конф. (Нижевартовск, 19–20 апреля 2007 г) [Текст] . – НГГУ, 2007. – С. 133–134 (1 с.).
23. Гаман, Л.А. Значение проблемы «социального доверия» в концепции русской революции И.А. Ильина [Текст] // Технология и автоматизация атомной энергетики и промышленности: Материалы отрасл. науч.-практ. конф. (21–24 мая 2007). – Северск: Изд-во Северск. гос. технолог. акад., 2007. – С. 124 (1 с.).
24. Гаман, Л.А. «Вызовы» XXI века и русская религиозно-философская мысль: точки пересечения [Текст] // Технология и автоматизация атомной энергетики и промышленности: Материалы отрасл. науч.-практ. конф. (20–23 мая 2008). – Северск: Изд-во Северск. гос. технолог. акад., 2008. – С. 106 (1 с.).
25. Гаман, Л.А. Познание России: некоторые аспекты историко-философского метода Н.А. Бердяева [Текст] // Вторые исторические чтения Томского государственного педагогического университета (20–21 ноября 2007): Материалы междунар. конф.: В 2-х ч. – Ч. 2. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. – С. 45–52 (7 с.).